

Луана Мусатова

Мама

Лиана Мусатова

Тала

«Атанор»

2020

Мусатова Л.

Тала / Л. Мусатова — «Атанор», 2020

ISBN 978-5-6044189-3-2

«...Нас окружает интересный мир. В основном мы его только наблюдаем, не пытаюсь вникнуть в его устройство, в его влияние на человечество, а оно огромно. Окружающий мир настолько взаимосвязан с человеком, что человеческая жизнь во всех нюансах, как и жизнь всего живого и неживого, зависит от планетного и космического воздействия. В этой цепочки воздействий и строится жизнь человека – в цепочке планета – человек – космос. Мои герои, вступая во взрослую жизнь, пытаются понять эту взаимосвязь, вникнуть в процессы, составляющие её. Эта мысль пронизывает весь сюжет, и ничего, что он о любви, о любви двух романтиков, их благородстве, верности данному слову и преданности. Герои познают жизнь, сталкиваясь с первыми ощущениями, понятиями, установками, направляющими вектор знакомства с новым миром, пытаются их осмыслить, формируя мировоззрение. Судьба не пощадила их, уготовив запутанные и сложные отношения, непреодолимые препятствия и нелёгкие испытания. Через всю жизнь они проносят своё светлое чувство. Не суждено им осуществить Мечту, но у них есть большее, чем Мечта, у них есть Любовь...»

ISBN 978-5-6044189-3-2

© Мусатова Л., 2020

© Атанор, 2020

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Лиана Мусатова

Тала

© Мусатова Л. А., 2020

© Дизайн обложки. Натарина Л., 2020

© Верстка. ИП Бастракова Т. В., 2020

Памяти Володи К. посвящаю

Читая историю нашей любви оттуда, с Небес, может быть, ты считаешь её земной забавой, ибо никто не знает на Земле, что есть НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ.

От автора

В своих мирных романах я зашифровала информацию к размышлению. Расшифровать сможет тот, кто прочтёт их все в следующем порядке: «Парторг», «Тала», «Последнее лето», «Стандарт времени», «Танец обсидиановой бабочки», «Солнце в чаше лотоса», «Пернатый змей», «Обсидиановый браслет», «Арисия». Вы обнаружите повторы. Но это сделано не по забывчивости. Зачем? Подумайте. И кто ответит на этот вопрос и расшифрует код романов, тот приблизится к познанию смысла жизни и устройства мира.

Прослеживая смену поколений, прихожу к выводу, что в основной своей массе народ теряет знания по всем направлениям. Он не знает мир, в котором живёт, он не знает, как правильно себя вести в нём, чтобы не нарушать гармонию мироздания. В результате такого поведения, равновесие системы склоняется всё больше и больше в сторону дисгармонии. Человек мало интересуется окружающей его средой и совершенно не понимает своей связи с природой планеты, с природой космоса.

Нас окружает интересный мир. В основном мы его только наблюдаем, не пытаюсь вникнуть в его устройство, в его влияние на человечество, а оно огромно. Окружающий мир настолько взаимосвязан с человеком, что человеческая жизнь во всех нюансах, как и жизнь всего живого и неживого, зависит от планетного и космического воздействия. В этой цепочки воздействий и строится жизнь человека – в цепочке планета – человек – космос.

Мои герои, вступая во взрослую жизнь, пытаются понять эту взаимосвязь, вникнуть в процессы, составляющие её. Эта мысль пронизывает весь сюжет, и ничего, что он о любви, о любви двух романтиков, их благородстве, верности данному слову и преданности. Герои познают жизнь, сталкиваясь с первыми ощущениями, понятиями, установками, направляющими вектор знакомства с новым миром, пытаются их осмыслить, формируя мировоззрение. Судьба не пощадила их, уготовив запутанные и сложные отношения, непреодолимые препятствия и нелёгкие испытания. Через всю жизнь они проносят своё светлое чувство. Не суждено им осуществить Мечту, но у них есть большее, чем Мечта, у них есть Любовь.

Глава 1

Наталья Александровна вышла на привокзальную площадь, осмотрелась – искала остановку троллейбуса.

– Поздно. Ему уже ничем не поможешь. Надо было прийти, когда звал тебя, – услышала голос с цыганским напевом.

Она не видела ту, которая говорила, но понимала, что эти слова обращены к ней, потому что они буквально были вложены ей в уши. Когда обернулась, в сторону уходила пожилая цыганка. Ната хотела спросить, о ком идёт речь, но та удалялась быстрым шагом и смешалась в толпе соплеменниц. Почему была сказана именно эта фраза? Она ехала просто на встречу с Володей, с которым не виделась много лет. Чем, собственно, она могла ему помочь раньше, «когда он звал». А когда он звал? Ната стала перебирать в памяти всё, что связано с Володей, и вдруг вспомнила сон. Она тогда отдыхала в Затоке. Этот сон долго волновал её, но дозвониться и дописаться к нему она так и не смогла. Во сне Володя стоял на высоком мосту над рекой в телефонной будке. Она видела его как бы со стороны и чуть сверху. Он звонил ей.

– Я не могу больше так! Моя жизнь, моя семья... все это мираж, фальшь. Я задыхаюсь в липкой паутине лжи, она спеленала меня своей гадкой и тесной сетью. Я не могу двигать ни руками, ни ногами, чувства мои притупились, ум расплывается под тяжестью обязательств. Спаси меня! Забери меня отсюда! Только ты одна в силах прекратить этот кошмар, прервать эти муки.

Это был вопль, вопль отчаявшейся души, от которого у неё разрывалось сердце. Ната проснулась с тяжёлым осадком, потому что даже не предполагала, что у него всё так плохо. С одной стороны очень жалела его, с другой была рада тому, что он обратился к ней. Наконец-то обратился. Пусть даже не наяву, пусть во сне. Всё равно это крик его души. Сколько же лет она ждала этого! Терпеливо ждала, зная, что рано или поздно это должно будет произойти. Они должны были встретиться. По-другому быть не могло. То, что возникло между ними в молодости, предвосхищало эти события. Но с тех пор прошло половину века. Они встретились молодыми, полными сил, влюбились друг в друга, но не остались вместе. И в этом была виновата она. Проснувшись, долго лежала. Не хотела вставать, чтобы не потерять ауру сна, обволакивающую её приятными воспоминаниями молодости, наполненную звучанием его голоса, нежного, мягкого, который она так давно уже не слышала. Целую вечность, почти пятьдесят лет они не виделись и не разговаривали. Но сегодняшний голос был таким, каким был в ту ночь, пятьдесят лет назад, когда он ей признавался в любви. Его тембр, интонация... вливались в душу, волновали и наполняли сладкими воспоминаниями. Она помнила всё до мелочей, как будто это произошло прямо сейчас, несколько минут назад. А ведь это действительно произошло: он ещё раз объяснился ей в любви, он подтвердил свое давнее объяснение. Ничего им не забылось, не стёрлись чувства, не угасла страсть, не изменились интонации голоса. Прошло столько лет, а всё так свежо. Ей не хотелось со всем этим расставаться, но надо было идти на завтрак. Она проводила отпуск на берегу лимана в Затоке. Этот курортный посёлок в Одесской области выглядел очень живописно. Между пансионатами, оставшимися ещё от советских времён, теснились двух- или трехэтажные коттеджи – частные пансионаты. Всё это утопало в густой зелени и ярком разноцветии. Улицу заполняли курортники в шортах, плавках-бикини, а то и в полотенцах, собранных на груди. Демократия нравов! На то он и отдых, чтобы раздвинуть рамки, сковывающие в городе, на предприятиях, в офисах, вынуждающие следовать их ограничениям. Свобода! Так же приходили и в столовую. Совсем маленькие дети были нагишом. Мамы и папы таскали за собой надувные лодки и спасательные круги.

Ната автоматически забрасывала в рот всё, что лежало на тарелке, почти не ощущая вкуса. Ей было не до еды. В голове звучал голос любимого, который просил о помощи. И, не

просто просил, а вопил. Что же она может сделать? Как его найти теперь, после перестройки и развала Союза? Завод, на котором он работал, наверняка приватизирован. Кроме того, по телевизору ей попадала информация о том, что завод почти развален, разобран на отдельные цеха, которые превратились в предприятия бизнеса. Она не один раз уже писала письма по адресу, который ей дал однокурсник, звонила по телефону. По телефону ей отвечали, что это квартира не Клёсова, а на письма просто не отвечали. Как же его найти? Весь день ходила под впечатлением сна, чувствуя, что Володе плохо, что она должна поехать к нему, но куда?

* * *

Володя слышал, что в группу перевелась девочка из Новочеркасского политеха. Прошёл слух, что её отец друг декана факультета. Обычно переводятся, да, ещё на старший курс, кандидаты на отчисление или скандалисты. В общем, проблемные студенты. «Двоечница наша новенькая, наверное, – подумал Клёсов, уважающий в девчонках только ум. Она его совершенно не заинтересовала. Никто её не видел, и сегодня она появилась впервые. В группе с самого первого курса учились три девочки. Они пришли в спортивных шароварах, шерстяных кофточках и выглядели совсем по-домашнему, как будто в огород вышли поработать. На новенькой и одежда была новенькой: коричневые репсовые брюки с отстроченным кантом, мужская сорочка в серую с белым клетку, кепка. В одной руке она держала сумку, в другой самовяз – жакет, с оригинальными жгутами перекинутый через плечо. Её подвела секретарь факультета: «Это Наташа Пиалова. Она будет учиться в вашей группе». Вместо того, чтобы сказать: «Очень приятно», как это делается при знакомстве, она обвела всех взглядом с лёгкой улыбкой превосходства и достоинства: «Знакомиться будем по ходу жизни». Впечатление она явно произвела на всех, правда разное. Девчонки, точно, её невзлюбили сразу. «Задавака», – шепнула на ухо Тамаре Лора Скредова, скривив презрительно губы. «Ну, эта ей крови попортит, – подумал Клёсов, – Лариска, вообще, вредная, а на кого взъестся, то держись – спуску не даст. Да, и новенькая, похоже, не лыком шита: на неё где сядешь, там и встанешь. На двоешницу она не похожа, и из списка тупых он её вычеркнул. Эта – скорее скандалистка или искатель правды». Он всю ночь простоял в автобусе, потому что не было мест – все ехали на учёбу в Донецк. Полусонный и уставший он рассматривал новенькую как-то отстранённо, лениво, но всё-таки заметил некоторую неожиданность. На вполне европейском лице, устроились раскосые миндалевидные глаза, над которыми тонкими стрелами от переносицы к виску параллельно разрезу глаз, чернели брови. Что-то неуловимо азиатское присутствовало на лице, выявляя носительницу восточных кровей. Но тут дали команду: «По машинам!» и все стали усаживаться на дно кузова полуторки, устеленного соломой. Не успел он коснуться пола, как уснул с приятным чувством чего-то таинственного, что ожидает его впереди. Они ехали в колхоз на уборку урожая.

На следующий день за завтраком он её не видел, так как девчонки позавтракали раньше и куда-то ушли, а вот на уборку кукурузы ехали вместе. Хоть и не разглядел он вчера её хорошо, стоя в отдалении, но чем-то она задела, поселила в груди смутное волнение. Ни вчера, ни сегодня она не только его, но и всех мальчишек в группе просто не замечала. Ни с кем не заговаривала, и никто не решался первый с ней заговорить: неизвестно на какой ответ нарвёшься. Что она необычная девчонка поняли уже все. Только с Любой Тольмейстер перебрасывалась словами, по делу, конечно. После завтрака к нему подошёл староста:

– Ну, что за цаца к нам прибыла? Переерошила всю группу: у кого – на «двенадцать», у кого – на «шесть»!

– Да, я вижу, что равнодушным никто не остался, если даже тебя, Адик, это задело.

– Я боюсь, что в группе коррида начнётся. Она же, как красная тряпка тореадора для быка.

– Это ты преувеличиваешь. Корриды не будет, но она, действительно, необычная девчонка.

– Неужели и ты, а, Володя, стойкий женоненавистник? Я грешным делом уже подумал, что ты голубой. У всех по девице с любовью или нет, только ты три курса один. Хотя ни одна девчонка на тебя глаз положила, тебя никогда не видели в их обществе, и на вечерах не бывал, даже не танцевал с девчонками, не то, чтобы в «кусты ходить».

– Да это от «ёжика» зависит – оцетинился, выпустил свои иголки. Как же я пойду в «кусты» с ними, наколю.

– Серьёзный у тебя «ежик».

* * *

Ребята открыли задний борт грузовика. Володя задержался у машины, помогая девчонкам спрыгивать, конечно же, в предвкушении прикоснуться к новенькой. Помогал попутно и ребятам: кого за талию придерживал, кто о плечо опирался. Девчонки опирались о плечи, стоявшего на земле, Володи, и прыгали. Ната, даже не взглянув на парня, положила руки на плечи, и прыгнула вниз... красиво, грациозно, как прыгают хорошо натренированные спортсменки со снаряда, довольные без ошибок выполненным упражнением. «Так она ещё и спортсменка!» – мелькнула мысль. Её тело, лёгкое, как пушинка, вспорхнуло в воздухе и спружинило, прикасаясь к земле. Погашая толчок от соприкосновения с землёй, оно завибрировало, и эти вибрации передались ему. Он физически ощутил Нечто мистическое, пришедшее из Земли и соединившее их. В этом ощущении предугадывалось хорошее предзнаменование: они соединены силами Земли! «Ещё бы и силами Неба!» – подумал он. Высокие азиатские скулы, в разлёт рисунок бровей на европейском лице, и, едва уловимое татарское, сквозящее во взгляде, делали его экстравагантным. Такое сочетание было неожиданным. Что-то тёплое, смутное, как будто давно знакомое, зашевелилось в груди. Где и когда он мог встречаться с этим? Там, глубоко, глубоко из самых потаённых глубин памяти выплывало это смутное чувство знакомства, тревожило его, приятно волновало. Волнение нарастало, подогреваемое тёплыми всплесками памяти. Становясь всё горячее, заполняя грудь, они перекрыли дыхание. И вот уже горячая волна вырвалась наружу неожиданным выдохом. Он знал, что его знак Зодиака последний в стихии Огня и поэтому у него огонь не пылает на поверхности, как у других, как у Льва и Овна. У него он скрыт глубоко внутри и готов вспыхнуть в любую минуту. Вот эта минута и пришла. Сейчас он вырвался наружу и влечёт его за собой.

Когда ступни коснулись земли, руки Наты оставались на плечах мальчика. «Что за каланча?» – подумала она, и подняла глаза. Перед ней стоял викинг! Всё в нём выдавало потомственного викинга: густые волнистые светлые волосы, широкие сильные плечи и орлиный взгляд ясных глаз. Высокий, стройный, сильный, с тренированными мышцами. Дерзость и удача читалась в его облике. Смуглая кожа свидетельствовала о дальних морских переходах. Серо-голубые глаза светились добротой и отвагой. Она так и стояла, застыв в изумлении, продолжая держать руки на его плечах. Ната не спешила их убирать – что-то волнительное и приятное вливалось через них прямо в сердце. Они какое-то время смотрели друг на друга, и то первое чувство, родившееся в эти мгновения, связало их доселе им неизвестными магическими узами. В первый момент в её глазах было удивление, но оно тут же сменилось восхищением. Володя не мог объяснить ни её удивления, ни её восхищения, только понимал, что в нём она увидела что-то поразившее и восхитившее её.

Машина тут же отъехала, потому что Ната спрыгивала последней. Она пошла в поле, догонять ребят, Володя пошёл следом. «Что же её так восхитило во мне и поразило?» Как бы он хотел это знать, но спросить у неё не смел. Её взгляд, словно удар молнии, пронизал всё его существо обворожительным видением, пленившим душу. С той самой секунды, когда он

посмотрел в её светло-карие глаза, такие мягкие, словно озёра мёда, он понял, что утонул в них, и утонул навсегда. Ему ещё и ещё хотелось в них смотреть и чувствовать, как внутри него поднимается что-то невообразимо сладостно-приятное и волнительное. Весь день он держал её в поле своего зрения, и время от времени их взгляды встречались. Они в этот день обрывали кочаны кукурузы, продвигаясь по ряду.

Там, возле машины её глаза были настолько близки, что он мог рассмотреть всё до мельчайших подробностей. Его поразило в них не только выражение восхищения, но необыкновенная красота. И, если правду говорят, что глаза – зеркало души, то какая же красивая душа у неё должна быть. Оливковые в оранжевую крапинку глаза светились изнутри, излучая свет и, казалось, что это горят осколочки солнца. Они были настолько притягательны, что в них хотелось смотреть и смотреть, и в то же время было страшно в них утонуть. Он не мог оторвать от них свой взгляд, ощущая два противоречивых чувства – желания и страха. Из её раскосых азиатских глаз сыпались искры прямо в его сердце, и оно загоралось щемящим огнем. «Ну, что, ежик, спрятал свои иголки? Где они? Нет! Стерлись на корню?! Или сгорели в огне её взгляда?!» Он называл его ежиком. Считал, что он окружил себя иголками, защищаясь от девичьих взглядов.

* * *

«И опять Володя», – думала Ната. Володи у неё начались со школьной скамьи и, почти все с голубыми глазами. Что это? Почему ей нравятся мальчики, которые носят это имя. Этот пятый. С предыдущими четырьмя у неё так и не получилось долгих отношений. С первыми тремя так складывались обстоятельства, четвёртого она отвергла сама. Что же значит для неё имя Владимир? Первый ей встретился в восьмом классе. Он пришёл в класс в октябре из Закарпатского города Мукачево. Поговаривали, что связался с дурной компанией и старший брат (лётчик) отправил его к тёте. Она жила через пару улиц от той, где жила Ната, и торговала на базаре. Вёл он себя тихо, ни с кем из мальчишек не дружил, особо не разговаривал, хотя говорил на хорошем русском языке, даже без акцента. Его привела классный руководитель в начале урока, представила: «**Володя Каптанов**». На нём была вельветовая комбинированная чёрно-коричневая куртка, что на то время свидетельствовало о хорошем достатке семьи. Он прошёл мимо неё на последнюю парту. Проходя, посмотрел в глаза. И всё... Голубые до прозрачности... огромные, почти круглые... потрясли Нату. Вся жизнь теперь была подчинена встрече взглядов. А он, каждый раз, проходя после перемены на своё место, одаривал её взглядом. Избави Боже, заговорить первой! Разве девочке позволено первой заговорить с мальчиком! Нет! Это позор! Это была бабушкина школа. Молчал он, молчала и она. Это была её первая любовь, так она считала.

Ната и её двоюродный брат Вадим вместе поступали в НПИ – Новочеркасский политехнический институт. В предпоследний день отъезда в институт родители им устроили проводы. На проводах был одноклассник Вадима **Володя Островский**. Они почти весь вечер провели вместе в разговорах и танцах. Понравились друг другу, но обменяться адресами не получилось. Потом двоюродный брат, который сидел с Володей на одной парте дал ей адрес. Так как Островский никуда не поступил, его забрали в армию. Это была любовь на расстоянии. А за ней по пятам ходил **Володя Улецкий** с васильковыми глазами, Вовчик. Худенький, хрупкий, невысокого роста, почти с девчоночьими миловидными чертами лица, никак не мог быть Володей, а тем более, Владимиром. Все его звали Вовчик. Преследовал её весь первый курс и почти весь второй. Здесь был первый поцелуй и первое объятие. Особых потрясений не было, но было приятно. А потом он вдруг не пришёл на свидание. В институте не попадался на глаза. Он учился в параллельной группе. Ребята сказали, что его срочно вызвали домой телеграммой. По приезду к Нате не подошёл, а её подругу попросил: «Передай Нате, что у меня должен родиться

ребёнок, и я женился». Позже объяснился и сам. Ната не искала с ним встреч, хотя до боли было обидно. Он год ходил за ней, а она даже в мыслях не допускала, что может изменить Островскому. А теперь, когда они сблизилась, он ушёл. Сама виновата.

Володя Литвинов встретился в Новочеркасске. Студенческий Новочеркасск конца 60-х годов 20-го столетия. Предпасхальная суббота. Конец второго года обучения в институте. В тот вечер Ната решила позаниматься теоретической механикой. Преподаватель был у них серьёзный и экзамен сдать будет не так легко, да ещё получить высокую оценку. А ведь она училась на «4» и «5». В самый разгар её вхождения в векторную эпопею – применения векторной алгебры для решения задачи приведения системы сил, в комнату вошла отличница и красавица Инна. Её сопровождал студент старшего курса. Ната только знала, что он самый умный в институте, получает Ворошиловскую стипендию и возглавляет студенческое научное общество. Она бросила рассеянный взгляд в его сторону, сопровождая ритуальным «здрассе», и продолжала своё занятие.

– Грех в такой вечер сидеть взаперти, – услышала она приятный мальчишеский голос, и проскользнувшее в нём нечто, что подсказывало расположение к ней. Эти нотки, выдававшие его, она уловила в голосе и заподозрила, что понравилась ему. Но ведь он на тот момент встречался с Инной, и как она рассказывала, они нравились друг другу.

– Сейчас все идут в Собор. Там така-ая служба идёт! Пойдёмте с нами, не пожалеете.

Ната пыталась возразить, но он уже подходил к ней, твёрдо намереваясь выполнить своё желание: она его предугадывала. Мальчик хотел увлечь её с ними в Собор. Ната взглянула на Инну. Та стояла несколько растерянная, сбита с толку таким неожиданным поведением друга. Это и оскорбляло её, и расстраивало, но, встретив вопросительный взгляд Наты, как-то неуверенно поддакнула:

– Хватит зубрить. Пошли с нами.

Мальчик в это время захлопывал книжку, и, протягивая руку, вытаскивал Нату из-за стола. Сопротивляться его напору было бесполезно. Она поняла, что он настаивает на своём.

– Тогда дайте время мне переодеться, – согласилась она.

Одеваясь, думала о странном поведении этого парня: пришёл с Инной, стал приставать к ней. Разве он не понимал, что унижает свою подругу, проявляя повышенный интерес к другой девочке. И зачем ему это надо? Потом, когда она у него спрашивала об этом, говорил, что поступок тот не зависел от него. Его изнутри подталкивала сила, которой он не мог сопротивляться.

– Когда я вошёл в вашу комнату и увидел тебя, всё внутри меня пришло в необыкновенное волнение, которое порождало непреодолимое желание взять тебя за руку, повести рядом, окутать теплотой и нежностью. Они уже вышли из моего сердца и рвались наружу, оставалось только взять тебя за руку. Я помню, как ты отдернула её, потому что... не знаю почему...

– Потому что это было неожиданно и некрасиво по отношению к Инне. Я не давала тебе повода хватать меня за руки.

– Я уже не видел Инну. Передо мной была только ты. Ты – обожаемая, которую я давно искал. Я уже тогда понимал, что ни одна девушка, ни одна женщина в мире, не будет для меня столько значить, сколько ты. Ты бесценная и самая дорогая.

Ната вспоминала этот разговор, его искренние слова, услышать которые мечтала каждая девушка и оценить по достоинству, и удивлялась своему безразличию. Разве можно оставаться безучастной к такому признанию? Можно, если не обладаешь ответными чувствами, если сердце покрыто коркой льда. Даже жар его признания, не смог её растопить. Кто поместил её сердце в лёд, почему оно не раскрылось навстречу такому большому и горячему чувству? Она не знает до сих пор. Несмотря на то, что была совершенно холодна к нему, ухаживания принимала. Он умел угадывать её желания, во всём ей потакал, умел увлечь интересным разговором. Когда вместе с девчонками и лишаями от любимой кошки лежали в диспансере, он

приходил не к Инне, а к ней. Не Инну он приглашал на прогулки, а её. Девчонки злились, и осуждали, называя её разлучницей, но ведь она ничего предосудительного не делала. Подумай, пошли, погуляли вдоль речки, цветов полевых нарвали. Букет теперь в банке стоит на столе, украшая палату. А потом, ведь никто не решился нарушить запрет и самовольно покинуть больницу, да ещё и спуститься через окно второго этажа. Это смогла сделать она, сорванец по характеру, романтик по натуре и спортсменка, работающая по мастерам в художественной гимнастике. Надо было обладать силой и смелостью, чтобы выбраться, используя Володины плечи, как перекладину, который стоял к тому же на окне первого этажа, держась за решётку. В этих прогулках он был только сопровождающий. С ним она увидела много достопримечательностей Древней казацкой столицы, и была благодарна ему за это, так как всегда стремилась к познанию. Умница и не зубрилка, а широко эрудированный парень, видел её стремление и способствовал. Они исколесили город и его предместья, и обо всём он мог рассказать что-нибудь интересное. Они побывали и в музее истории донского казачества, и у атаманского дворца, и у памятника Платову, но больше гуляли по окрестностям. На въезде в город стояла арка, обшарпанная такая. Ната в первый приезд удивилась её неприглядности. Оказалось, что это арка была специально возведена для встречи царя Александра I. И не одна арка, а две и называются они Триумфальными. Одна стояла на западе у старой Ростовской дороги, вторая на северо-востоке по Московскому тракту. Две потому, что не знали, по какой из них приедет царь. Так казацки войска под предводительством атамана Платова встречали Александра I. Вознесенский войсковой казачий собор, в который он и пригласил Нату в первый вечер знакомства, строился сто лет и был по величине третьим после храма Христа Спасителя в Москве и Исаакиевского собора в Санкт – Петербурге. Много ещё всякого интересного рассказал Литвинов. Он был влюблён в этот маленький уютный городок на юге России – город студентов и военных. Он показал ей все фонтаны, большинство из них не работали, которых оказалось многовато для такого маленького города. Рассказал, что его называют маленьким Парижем. Париж Ната любила, хотя никогда в нём не была, но мечтала побывать. А вот в маленьком Париже живёт, но за два года не успела с ним хорошо познакомиться, и была благодарна Литвинову за экскурсии. До сих пор она гордилась только тем, что училась в престижном институте. Ещё на первом собрании группы, куратор им сказала: «Вы стали студентами одного из старейших учебных заведений России. Вы должны гордиться этим и с честью нести звание студента НПИ. Он носил имена достойных граждан нашей страны. О будущих поколениях России, то бишь, о вас заботились задолго ещё до вашего появления здесь. Заботились просвещеннейшие умы государства о тех, кто будет поднимать индустриальную базу страны. Это выпало на долю и вашего поколения. Будьте достойны своих предков, грызите, как говорят, «гранит науки», станьте грамотными инженерами, досконально знающими своё дело».

Все ходили, задрав носы – они студенты не какого-то там второсортного занюханного политеха, а старейшего и престижнейшего!

Куратор рассказала, что институт был открыт в октябре 1907 года, что в институте не было собственных зданий, а в его основании участвовали казаки и, что до 1920-го он носил имя атамана Каледина. Горный корпус, в котором в основном у них проходили лекции и был их деканат, построили только в 1930 году. Институт в разное время назывался по-разному. Вначале именовался как Донской политехнический институт. Потом ему присвоили имя цесаревича Алексея, и он стал называться Алексеевский донской институт. Был он и Северо-Кавказским индустриальным институтом, и Новочеркасским индустриальным имени Серго Орджоникидзе и только в 1948 году получил название Новочеркасский политехнический институт.

Казалось, в её жизни было всё: и весёлое пение птиц по утрам в кронах высоченных деревьев перед институтом, сопровождающее на лекции, поднимающее настроение, и солнечный луч, скользкий по щеке, ласкающий своим светящимся теплом, и яркая зелень, буйствующие

краски природы, голубое глубокое небо. Всё было завораживающе прекрасно, но хотелось ещё чего-то, такого, чтоб всё звенело вокруг напряжением восторга, распирающим грудь, стремящимся в пространство. В пространство, которое называют Любовь, которая и есть этот восторг. И так хотелось ощущать не только в себе, но чтобы и весь мир вокруг неё звенел и переливался, напряжённый чувством, чтобы дух захватывало, когда рядом был любимый. Не было этого рядом с Володей Литвиновым, ничего из желанного и воображаемого, она не чувствовала. В её воображении мощные волны любви, сливались в бурлящий, переливающийся всеми цветами радуги единый поток, унося их на своём гребне в заманчивые непознанные дали. Так хотелось такого, чтобы всё от земли до неба заполнялось золотым светом их любви. А любовь она представляла, как слияние глубоко душевной мощи органной музыки Баха и, летящей ввысь лёгкой мелодии скрипки, тонкой, прозрачной, струящейся. Иногда она сомневалась в том, что когда-нибудь это придёт к ней, но она ждала.

Конечно же, льстило, что такой парень, мечта всех студенток НПИ, достался ей. Как было не задирать высоко голову от гордости, что мечта всех студенток переносит её на руках через лужу напротив главного входа в институт, где всегда полно народу, на виду у всех. Их встречи продолжались с завидной регулярностью. В институте поговаривали об их свадьбе, только Ната пока молчала. Вроде всё её устраивало, но не было такого чувства, чтобы «очертя голову в омут», а она искала в жизни именно такого чувства. А потом Володя сильно ей угождал, и его покладистость даже раздражала. Разъехались на каникулы. А с каникул она приехала с зазнобой в сердце и всё напрямую выложила Володе:

– Я влюбилась в мальчика. Он живёт в Донецке.

– Может быть, это ещё не любовь. Я буду ждать тебя год. Через год поговорим.

Кто-то был потрясён их разрывом, кто-то обрадовался, что освободился завидный жених. Но он целый этот год ни с кем не встречался, а Ната жила своей интересной жизнью, увлечённая и окрылённая: мальчик в её вкусе, дружная компания, интересное времяпровождение. Она, конечно, не испытывала всего того, что навоображала себе, но этот мальчик был интересен, нравились черты лица и умение преподнести себя в загадочном свете. А она очень любила разгадывать загадки. Володе сказала, что «влюбилась», чтобы обосновать их разрыв. И потом, какое-то же чувство у неё к нему было, пусть это не та Любовь, но влюблённость присутствовала. Так прошёл год, а на следующий перевелась в политехнический институт Донецка. И вот... пятый Володя...

* * *

В первый вечер в колхозе было принято «обмывать» новое место жительства. Девчонки разжились вишнёвкой, мальчишки смотали в район за Бренди. Что такое Бренди, Ната не знала, но из разговоров мальчишек поняла, что модное крепкое алкогольное питьё. Ей непривычно было всё это и странно. Ажиотаж вокруг этой «обмывки» удивлял её. В Новочеркаске среди студентов такого не наблюдалось. Могли взять человек на двенадцать бутылку креплённого, но это так – символически. Как поняла вечером, донецкие студенты употребляли Бренди со знанием дела. Ната чуть пригубила вишнёвки, посидела и вышла из-за стола. Поддержать разговор она не могла, поскольку говорили о вещах и людях ей неизвестных, и вышла из столовой. Под стеной на длинной скамейке сидел староста и Ната села рядом. Завели разговор. Подошли ребята и тоже подключились к разговору. Среди них был Клёсов. Образовалась небольшая компания. Ната вливалась в коллектив. Кто-то подходил, кто-то уходил. Когда почти все разошлись, Клёсов повернулся к Тале:

– Пойдём, погуляем.

– Нет. Я не хочу гулять.

Конечно же, она хотела всем сердцем и всей душой пойти погулять с этим интересным мальчиком с необыкновенным лицом викинга. Но разве она могла себе позволить это, разве она могла предать Глеба? Она – без пяти минут его жена, вдруг идёт гулять с другим мальчиком!

– Не отказывай ему, – попросил староста, сидящий рядом с ней. – Он первый раз в жизни пригласил девочку. Он и так, сколько мы его знаем, а это три курса, ни на одну девочку не посмотрел, а они за ним табунами ходят. Красивый, статный, да ещё и отличник! Посмотри, какой мОлодец! Если сегодня откажешь, на всю жизнь отобьёшь ему охоту девочек приглашать.

Ната была пристыжена. Её призывали к милосердию. Разве могла она быть немилосердной и своим отказом испортить парню жизнь?

– Хорошо. Я пойду, но пусть с нами ещё кто-нибудь пойдёт.

Слышавшая весь этот разговор Люба согласилась, спрашивая:

– Кто ещё пойдёт?

Отозвался Валера Бойко, и они отправились на прогулку, тут же разделившись на пары.

В начале сентября в южных степных районах Донбасса сохраняется тёплая, почти летняя погода. Этот вечер настолько был тёплым, что можно было идти в одной блузке (если за неё посчитать мужскую сорочку), не набрасывая шерстяную кофту. К мужским сорочкам Ната пристрастилась с первого курса. Удобно и аккуратно: спортивные брюки и сорочка. А ещё она любила ткани в клетку, и можно выбрать в магазине любую. Володя, вообще, надел футболку с короткими рукавами. Глубокое тёмной синевы небо, местами почти чёрное, было усыпано огромными серебристыми черешнями звёзд. Они шли по просёлочной дороге вдоль посадки. А справа простиралось, уже убранное, пшеничное поле. От него пахло соломой, домом и уютом.

То ли Ната с Володей ушли вперёд, то ли Люба с Валерой отстали, но пары потеряли друг друга из вида. Волшебная ночь, окутанная зелёным бархатом листвы и тёмно-синим неба, ниспадающим к горизонту и бескрайним просторам полей, создавала ощущение нереальности происходящего. Володя широко раскинул руки:

– От горизонта до горизонта все звёзды неба – твои. Я дарю тебе их.

Он складывает её ладони лодочкой, собирает с неба звёзды и полные пригоршни высыпает ей. Повторяет несколько раз, приговаривая:

– Вот они: блестящие, красивые, яркие... они – все твои. Я осыпаю тебя звёздами... смотри, как ты искришься... ты самая искристая девочка на свете. Да, что звёзды! Я для тебя не только звёзды с неба сниму, я и тебя на само небо подниму, – Небесные ковши, полные звёзд сыплются на них. Глаза её блестят, словно улавливая блеск звёзд и отражая их серебристое свечение, затапливая им вселенную, проникая в его душу, да так глубоко, что у него захватывает дух. Он в упоении. Истома дымкой заволакивает горизонт. Всё тонет в струящейся теплоте миндалевидных глаз... не порочных, не бесстыдных. Его захватывает волна безудержного счастья. Дыханье, словно всполох пламени. – Вон там, вокруг той самой крупной звезды вращается планета. На ней тоже есть жизнь. Не веришь? Я это чувствую... я вижу мальчика и девочку, идущих по просёлочной дороге и, они, подняв голову в своё небо, видят нашу землю, чувствуют нас. Он взял её за руку.

– Полетели к ним!

Тепло её руки... тепло её глаз... тепло ее голоса... оно прикасается к губам нежным дуновением, смешавшись с ветерком... сладострастное, волнительное... Небо сливается с землей, окружая цветами нежнейших гамм, погружая в ликующие звуки арфы, пробуждая в нём тайный зов. Из уст вырывается дыхание подобно маю, опьянённому ароматом цветущих садов. Из мрака и хаоса поднимается лотос... чистый, белый. Он тянется к лучам, исходящим из её глаз, и раскрывает свои упругие лепестки. Он не знает ещё как назвать то, что побудило его

заявить о себе, выйти на свет из тайников, подняться над хаосом, но он благодарен, благодарен за желание поглотить это тепло, принять в себя, хранить и лелеять.

Рассуждения викинга пугают Нату. Она опасается, что этот мальчик окажется со странностями, но пока не показывает вида. Мальчик очень хорош. Высокий рост, подтянут пресс, натренированные мышцы и, главное, влюблённый нежный взор. А какое обожествление в нём, изумление!

– Посмотри. Видишь?

Девочка спрыгивает с машины и с восхищением смотрит на мальчика. Интересно, что такого она увидела в нём, что её восхитило.

– А пусть он у неё и спросит, – приняла игру Ната.

– Он не смеет.

– Скажи ему, чтобы он был посмелее.

– Мальчик, не дрейфь, спрашивай! – Изменив голос: – Девочка, что ты увидела?

– Передо мной стоял не мальчик из группы... передо мной стоял викинг, окутанный облаком романтики морских путешествий и любовных приключений.

– Не замечал за собой любовных приключений.

– Потому, что пользовался умом, а я разговаривала с глазами. Глаза мне и поведали твою тайну.

– Тайну прошлой любви? А настоящей?

– У тебя всё ещё впереди.

Прямо над горизонтом вырисовывалось созвездие Стрельца одно из двенадцати зодиакальных созвездий.

– Ты кто по знаку зодиака?

– Козерог.

– Так мы с тобой совсем рядом на небе. Я – Стрелец. Именно в Стрельце находится самая красивая часть Млечного пути. В нём множество шаровых и рассеянных скоплений, светлых и тёмных туманностей. Это созвездие только одной своей частью находится в поясе зодиака, а другой располагается на Млечном пути. Стрелец большое созвездие и очень красивое, потому что в нём много ярких звёзд. Здесь хорошо можно рассмотреть рисунок созвездий, потому что небо тёмное и звёзды яркие, а в городе небо засвечено. В наших краях в августе – сентябре Стрелец полностью поднимается над горизонтом и его можно увидеть во всей его красе. А знаешь, чем интересно это созвездие, кроме того, что это мой знак зодиака?

– Чем?

Ната была не сильна в астрономии. Честно говоря, созвездия её не сильно интересовали. Знала она только те, о которых прочла в «Истории Греции». Эта книга осталась после маминой учёбы на историческом факультете пединститута. К моменту развода с отцом она успела окончить два курса, а дальше учиться не получилось. Надо было кормить и одевать семью. Пришлось брать подработки. Она была отличной машинисткой-стенографисткой. Однажды Ната что-то искала в буфете и натолкнулась на эту толстую книжку. Она хотела её переложить, но книжка выпала из рук, упала и раскрылась, и Ната увидела (о, ужас!) прямо нарисовано у всех дядей то, что у мальчиков. Дяди и тётки на картинках были голые. И стала она частенько заглядывать в эту книжку, чтобы ещё и ещё посмотреть на то, что у мальчиков. Подрастая, заинтересовалась и теми, кому принадлежали эти соблазнительные крендельки. А оказывается, это были боги. И все они после смерти селились на небе. Вот так она кое-что и узнала о небе и его жителях. Но до таких познаний, как у Клёсова, ей было далеко.

– Оно интересно тем, что отмечает на небесах очень интересную точку – путь к центру нашей галактики. Созвездие Стрельца считается центром и сердцем галактики. Его всегда надо искать возле Млечного пути, оно похоже на чайник. Оно довольно отчётливо выделяется на небе, по сравнению с другими. Поздний вечер – это как раз то время, когда его можно наблю-

дать. Это очень древнее созвездие. Я читал, что о нём ещё написано клинописью на шумерских табличках. Но у них это звёздное поле описано как «огненнострельный». Почему «огненнострельный»? Стрела чётко видна по конфигурации звёзд, но причём тут огонь? Так вот... у Нострадамуса в «Размышлении о звёздах...» встречаем:

«Огромная „Стрела“ созвездия Стрельца, почти точно указывает на центр нашей Галактики, и это, неспроста. Когда развеются газо-пылевые облака, скрывающие сияющее ядро Галактики, Стрелец станет главной жемчужиной всех созвездий...» Если Нострадамус придавал этому созвездию такое значение, значит, оно, действительно, очень важное. Копьё стрелы и ядро галактики, может быть, знаки, которые земляне смогут позже расшифровать. Может, это подсказка какая-то нам? Почему стрела указывает на ядро? Почему позже те же шумеры это же созвездие нарекли богом войны, астральным олицетворением планеты Марс? Почему Стрелец и Марс имеют схожие символы в виде стрелы?

– Тебя волнуют такие серьёзные вопросы об устройстве звёздного неба, а ты пошёл в металлургию. Почему?

У Наты голова пошла кругом от всех названий, и стало даже немножко страшно идти рядом с этой ходячей энциклопедией. Ну, слышала она о Нострадамусе, что он пророческие катрены написал, слышала, что были какие-то шумеры, с которых пошла наша цивилизация, ну, чуть-чуть читала о них, но чтобы так владеть материалом и так всё помнить? «Газо-пылевые облака», «огненнострельное звёздное поле»...

– Это увлечение с детства. Отец рассказывал. Он же у меня моряк, а они ориентируются по звёздам. Есть такие навигационные звёзды. Таких звёзд в созвездии Стрельца много. Отец мне показывал и рассказывал. Мало того, что он первый помощник в навигации, так это ещё и мой знак зодиака.

– А я подумала, что этот интерес у тебя ещё со времён морских путешествий.

– Может быть, только я об этом ничего не знаю.

– Ты всё говоришь, говоришь о нём, а где он? Ты его видишь сейчас?

– Конечно! Вот он!

– Это для тебя «вот», а я его никогда не видела. Как мне его найти?

– Ну, я уже говорил, что ориентироваться надо по Млечному пути, а там: если провести линию от Полярной звезды к Веге – это альфа Лиры, и продолжить её на такую же длину, то она упрётся в астеризм Стрельца.

Он стал у неё за спиной, чтобы смотреть в одном направлении и показывал рукой, куда смотреть, проводя линию от звезды к звезде.

– Что такое астеризм?

– Это группа звёзд, которая образует характерный рисунок и имеет самостоятельное название. Астеризм Стрельца – стрела с огромным наконечником и мощным оперением.

– И вот там – центр нашей галактики? А ты знаешь, меня зацепила эта стрела – указующий перст! Куда? К свету?! Ты говорил о Марсе, о сходстве символов... в этом что-то есть... а что древние подразумевали в «голосе света»? Может, там пока и хранится «голос света» – нам пока неведомое знание? И прилетит к землянам «свет» из центра галактики, и они смогут его увидеть. Может быть, когда-то такое было, поэтому и назвали огненнострельным местом, местом, которое огнём стреляет?

– Я забыл тебе сказать, что шумеры потом называли это место каким-то богом, не помню уже, как его звали, а жена у него была богиня Исцеления. Может быть, ты и права: исцеление от невежества. Не зря же древние греки считали, что Стрелец – это кентавр Хирон, а он был мудрецом. Он создал небесный глобус специально для аргонавтов, отправляющихся в поход за золотым руном. Он был воспитателем и учителем Геракла, Асклепия, Ахилла, Ясона – предводителя команды аргонавтов. Несмотря на то, что кентавры были агрессивные, Хирон был

миролюбивым и умирал своих соплеменников. По мифу он был ранен ядовитой стрелой и, не вынося боли, отказался от бессмертия в пользу Прометея.

– Я всегда его жалела: человек-конь, хотя на картинках он воплощение мужской силы и отваги до безрассудства. Рисуют всегда такой мощный красивый торс, да и лицо тоже. Жалко становится, что он не мужчина, а конь и живёт среди лесных чащ или в горах. Я пыталась найти женщин-кентаврих, не нашла. И ведь получился он таким, потому что отец его изменил жене. А когда та застала его на горячем, принял образ коня. Поэтому сын родился наполовину человеком, наполовину конём.

– Удивительно! Мы с тобой читали одни и те же мифы, нас волновали одни и те же вопросы. И я думал над тем, почему кентавры получаются. О чём это говорит? О том, что помыслы наши чреватые последствиями.

«„Чреватые последствиями“, „астеризм“! Он говорит как учёный. Так никто ещё не изъясняется из наших сверстников. Нелегко будет с ним общаться, хотя и я „не лыком шита“» – думала Ната.

– А ты знаешь, что по другому мифу боги взяли на небо Фолоса, ещё одного миролюбивого кентавра, и его превратили в созвездие Стрельца? Так, кто там: Хирон или Фолос? Удивительно, что греки поместили на одно созвездие сразу двух.

– Греческие мифы имеют такую особенность: по-разному трактуют жизни богов. А давай полетим к нему и спросим, кто он. Полетели?

Показывая на звезду правой рукой, левой он обнял Нату, чуть притягивая к себе, как бы приглашая в полёт.

– Мы летим с тобой к самой яркой звезде в салоне волшебного облака. Мимо нас проплывают планеты и разноцветные скопления звёзд, мы ныряем в туманности и проходим сквозь них. Где-то сбоку выплывает дракон, фыркая и испуская огненные протуберанцы. Но он нам не страшен. Мы ему говорим, что мы сами драконы, потому что родились в год дракона, и он улыбается, кивая своей страшной головой. И мы уже с тобой в другом времени. Моя рука лежит на твоём плече. Ладонь ощущает тепло и шелковистость твоей кожи. Мы медленно плывём к звезде. Нам хорошо вдвоём. Нам хочется так плыть долго – долго. Я чувствую...

– Я не знаю, что чувствует тот мальчик, который летит к далёкой звезде, зато знаю, что может чувствовать мальчик в соседнем колхозе, увидев, что ты меня обнимаешь, – сказала Ната, сбрасывая его руку движением плеча.

– Но что это? Моё сердце пронизывает боль. Она исходит из твоих уст. Плечо становится холодным и жёстким. Оно толчком сбрасывает мою руку... а причём тут мальчик из соседнего колхоза? Мы же в звёздном царстве.

– Опустись со звёзд на Землю. В соседнем колхозе – группа сталеплавильщиков. В ней учится мой мальчик, которого я люблю, и мы с ним должны пожениться.

Володя долго молчал. Он был в шоке. «Как? Какой мальчик? А я?» – билось в ужасе сердце. Земля поплыла под ногами, закачались звёзды, мир летел в пропасть, его мир, в котором он всего минуту назад держал самый дорогой и важный приз в своих руках. Его пронзила такая боль, которую он никогда ещё не испытывал. Но это была не физическая боль, которая появляется от побоев или порезов, от ран. Он вдруг сам стал одной большой кровоточащей раной, пылающей огнём и сжигающей то огромное, что сулило ему радость и счастье. Всё это сгорало с такой нестерпимой болью, что у него потемнело в глазах. Он пылал всепоглощающим огнём, сжигающим то огромное и ещё неизвестное, но такое манящее, то, что всего мгновение назад распускалось в его душе экзотическим цветком с диковинным ароматом, сгорало в языках неистового пламени. Как он радовался возрастающему в нём цветку, как лелеял его. Всего два дня. Два дня счастья! И всё! И ничего больше нет: ни любви, ни радости, ни счастья... мир померк в его глазах.

Володя молчал, но Ната видела его лицо и удивилась его состоянию: «Неужели у него всё так серьёзно? Лучше бы мы не ходили на прогулку. Теперь я ему принесла ещё больше боли, чем, если бы отказалась с ним пойти. Откуда же я знала, что он успел прикипеть ко мне, а теперь отрывает себя от меня с такой дикой болью?»

– Ты не огорчайся, Володя, – пыталась утешить мальчика, – ты такой необыкновенный! Тебя обязательно полюбит такая же необыкновенная девочка, непохожая на всех остальных и самая лучшая.

– Ты – для меня самая необыкновенная и самая лучшая.

К нему, наконец, возвратилась способность говорить. Он помолчал, а потом с такой неподдельной горечью добавил: – но не моя.

– А ты собственник! – Ната лукаво улыбнулась, пытаясь хоть как-то уменьшить его боль.

– Это не собственность! Это больше... это – я! Я потерял себя!

Вся его предыдущая жизнь, всё, что было до этой минуты – счастливое возвращение отца, командира подводной лодки, с фронта, получение золотой медали за десятилетку, осознание себя студентом на гребне жизни, раскрывающиеся перед ним горизонты будущего, всё сгорело в этом жутком огне, поэтому ему и было так больно. Сгорела в нём и его будущая Любовь, о которой он мечтал и, которая так сладко тревожила душу. Всё сгорело, оставив пепелище – выжженное прошлое, настоящее и будущее.

– Это всегда так кажется, – утешала его Ната, – жизнь, ведь только начинается. Потом ещё кого-нибудь встретишь, и она тебе тоже покажется самой лучшей, – говорила, исходя из своего опыта. Ведь казался и Глеб ей лучше всех до вчерашнего дня, а сегодня – Володя, но она не позволяет себе дать ход чувствам: надо быть постоянной. Но, несмотря на это, он всё больше и больше вторгается в её мир: да он попросту его перевернул.

Постепенно к Володе вернулось самообладание, но отчаяние так и не покидало:

– Только – только я нашёл в мире душу, которую столько искал, и сразу же потерял. Как же коротка была моя радость, каким же коротким было моё счастье.

– Не отчаивайся. Душа моя с тобой. Я чувствую, что наши души родственны и что мы, может быть, знали друг друга в прошлой жизни, поэтому им так тепло и уютно вместе.

– Тебе, правда, тепло со мной?

– Правда. Но это ещё ничего не значит. Сердце любит другого.

– А ты уверена, что это любовь?

– Ты меня так допрашиваешь, как будто сам любишь меня. Ты знаешь меня всего два дня.

– А сколько ты знаешь своего мальчика?

– Больше года.

– С первой же секунды, когда встретились наши взгляды, я понял, что мы знали друг друга. Где и когда, не знаю, но знаю, что встречались, что это встреча после долгой разлуки. Между нами пошло такое тепло, какого я ещё никогда не ощущал в жизни. Такое просто так не бывает.

– Тепло я тоже почувствовала и ещё подумала: «Любовь с первого взгляда?»

– Вот видишь! Ты разберись со своим мальчиком, а я подожду.

* * *

Ночью ему снилась Ната, но не такая, как сейчас, а в татарском курене и в далёком прошлом. Проезжая мимо татарских юрт, заметил в одной приоткрытый полог, а над ним глаза... глаза, запавшие в душу на всю жизнь. Он видел их всего мгновение, но ему было достаточно, чтобы понять – жизнь без этих глаз не имеет смысла. Сейчас она провожала его в очередной поход – любимая, любящая и ожидающая. Во всех походах, во всех битвах сопровождал её

образ, её глаза. Но он видел только глаза, и глаза были Натины: раскосые, чарующие и притягивающие необыкновенной силой влюблённого взгляда.

Тонкий серп полумесяца висел над минаретом и чётко вырисовывался в ночном мраке. Мусульмане, кто они такие, какому богу молятся?

Он был опытный воин, видевший немало сражений, не боявшийся опасности. Ни один раз сабля врага взвивалась над ним, копьё пробивало щит, стрелы впивались в кольчугу, барс терзал тело, настигал тигр, смерть реяла над ним, застилая глаза чёрным туманом, а он полон сил сидит верхом на своём любимом Джеджи и отправляется в новый поход. Что ещё может испугать его? Поступь Джеджи горячит кровь, сабля просит подвига, а степной ветер подгоняет вперёд.

Днём февральское солнце ослепительно сияло и пригревало макушку планеты. Она, распаренная, дышала полной грудью, выдыхая ароматы степи. Ночью лужи замерзли, земля твердела. Узкая тропа вилась между холмами по глинистым такырам¹.

Перед войском по пути следования по ночам мчались разведчики с пылающими факелами. Останавливаясь на холмах, огнями подавали сигналы, чтобы отряды не сбились с тропы и не перемешались.

Передовые татарские разъезды рыскали по степи, сталкиваясь с небольшими отрядами мусульман, проверяя на них остроту и тяжесть мечей, и точность полёта стрел. Основное войско ждало, когда откроются от снегов перевалы, и можно будет спуститься с гор в долины Ферганы. Войско двигалось бесшумно: не ржали кони, ни звенело оружие, никто не осмеливался запеть песню, зная, что соблюдается режим тишины, хотя до городов, которые они должны взять ещё далеко. Отряды держались на определённом расстоянии друг от друга так, как это делалось всегда в походах. Останавливаться разрешалось на короткое время по общей команде. Воины засыпали прямо на земле у передних копыт коней.

С наступлением мутных сумерек, усиливалась опасность нападения. Особенно по ночам появлялись туркменские всадники на длинноногих конях. Они неожиданно вылетали из-за холмов, врезались в ряды, нарушая их и производя смятение, и так же быстро исчезали, волоча на арканах пленных. Он был весь – внимание. Главное – успеть увернуться от аркана или разрубить его саблей. В этом опасном походе, как и в предыдущих, его сопровождали глаза любимой. Они и сейчас были перед ним, сияя любовью и светом из мрака ночи. Они его ждали... и он должен вернуться живым.

Он проснулся с осознанием того, что должен беречь себя для этих глаз, чтобы они могли всегда его видеть живым. Это были глаза Наты, жёлто-зелёные, искрящиеся рассыпающимися искрами. Что это? Он их видел и знал уже когда-то? Так вот откуда азиатские следы на её европейском лице! Вот откуда у неё татарский взгляд! Как понять этот сон? Вчера засыпал с чувством горечи и отчаяния, а ночью его утешала надежда: она любила его, она ждала. Он жил ради этих глаз, ради того, чтобы вернуться к ним.

* * *

Когда Ната пришла с прогулки в комнате была только Люба. Она уже спала, отвернувшись к стене. Спали «валетом» на одной кровати. Кровать была широкая, они худенькие и места им хватало. Тихонько переодевшись, чтобы не разбудить подругу, осторожно легла. Сон не приходил. Переполненная эмоциями такого необычного вечера, перебирала в памяти фразы. По несколько раз повторяла их, наслаждаясь интонациями голоса мальчика, явно влюблённого в неё по уши. Его слова для неё были музыкой. Они лились так нежно и так обворожительно, что сердце таяло от его звуков. Её будущий муж говорил чётко, отрывисто, даже

¹ Такыры – незасыпанные песком пустыни глинистые места.

чуть грубовато... совсем другая речь. А эта, непривычная разливалась в душе сладостным и волнующим нектаром, растекаясь в самые потаённые её уголки. Её душа к нему стремилась неудержимо, но ум... он говорил ей другое. А душа воспаряла в небеса при звуке его голоса, такого мягкого, проникновенного и обволакивающего негой с пят до головы.

Да, она влюбилась, влюбилась по-настоящему первый раз в жизни. То чувство или скорее, ощущение, которое она считала любовью к Глебу, не имело ничего общего с тем, что она испытывала с того дня, как увидела викинга. Она искренне думала, что любит Глеба. А оказывается, бывает ещё и по-другому, бывает так, что поднимается смерч, перехватывает дыхание, неистово бьётся внутри, угрожая вырваться наружу, если его не выпустят по-доброму и смести всё на своём пути. «Угомонись, – говорила она ему. – Я не могу тебя выпустить... не имею на это права... надо было раньше приходиться...»

Погружённая в свои переживания, не заметила, что ворочается с боку на бок, разбудив Любу.

– Что, понравился Володька?

– Понравился. Такой парень не может не понравиться и не вызвать симпатию. Он умный, обаятельный, общительный.

– Знаю. Наша отличница с параллельной группы по нём который год сохнет.

– А он?

– А он делает вид, что не замечает. Честно говоря, в группе думали, что он женоненавистник. И вдруг... открыто, при публике приглашает девочку. Завтра разговоров будет... когда узнают остальные. Не завидую вам, будут наблюдать за каждым словом, взглядом и жестом. Это ж как интересно!

– И каково будет их разочарование!

– Почему?

– Потому что не будет ни особых взглядов, ни жестов. У меня есть мальчик, и скоро свадьба.

– Да, ну! Вот это сюжет! И ты Володе сказала об этом?

– Сказала с самого начала нашей прогулки. Но он необычный мальчик, начитанный. С ним было интересно.

– И о чём же вы столько времени говорили?

– О звёздах...

В дверь проскользнула Скредова.

– Вы ещё не спите, а я вас боялась разбудить.

Девчонки, ещё перекинувшись несколькими фразами, умолкли и уснули.

Но Ната так и не могла заснуть. Долго ещё лежала, сохраняя упоение, пока таки, сон не сморил её.

По всему было видно, что ветер набирает силу, что он не в меру расходился, и шторма не миновать. То слышались его стоны, то завывания, то глухие удары, словно он своими крыльями бился о скалы, пытаясь их опрокинуть. Ната посмотрела в окно. Далёко за городком атели белые шапки гор. Они занялись от пожара, расплескавшегося по небу. Это верная примета – значит, быть шторму. С моря доносились неистовые удары волн, а по тропинке к дому лёгкой походкой поднимался путник. Что-то удивительно знакомое было в этой походке. Ею овладело лёгкое волнение, но вспомнить, где и когда видела её, не могла. На незнакомце был толстый плащ морского покроя такой длинный, что сапоги едва выглядывали из-под него. Он ладно окутывал его гибкое стройное тело, непринуждённо скользящее между валунами. Он приближался, и Ната рассмотрела его лицо с чёткими и правильными чертами и, опять же, что-то ей напоминающими. Во взгляде удивительно сочетались мягкость и отчаянная дерзость. Неожиданное тепло захлестнуло её. Что-то смутное зашевелилось в душе. А тем временем, удивительный гость, спросив разрешения, вошёл в дом, внося с собой смятение и холодный

порыв ветра. Он сбросил плащ, снял шляпу. Широкая крутая грудь на широких плечах была как-то неожиданна для стройной фигуры с очень тонкой талией. Густые тёмно-русые волосы были заплетены в косичку по морскому обычаю. Гордо поднятая голова, говорила о незаурядной силе воли вошедшего, но завораживающая нежная улыбка, скользнувшая по его губам, сбила её с толку.

– Кто вы?

– Моряк.

– Я это вижу по вашему морскому сюртуку, даже если бы на плечах не было вышито по серебряному якорю.

– Я ишу ту, которую покинул много лет назад, обещая вернуться за ней.

Он посмотрел в глаза Наты, и вдруг она вспомнила, где видела это лицо, эти глаза и эту походку. Но тот, кому это принадлежало, был мальчишкой... ещё мальчишкой...

Они сидели под раскидистой кроной цветущей бузины. Её пряный дурманящий аромат обволакивал их, манил в неизведанное, дальнее, но такое желанное будущее, будущее, в котором они окажутся, когда вырастут и будут вместе. Это – их мечта. Мальчишка рисовал картины незнакомых жарких стран с вечным теплом и бархатным ковром зелени, стран, где не бывает снега, где лёд не сковывает море, где не дуют скаженные ветры, где не теснятся серые, покрытые снегом скалы. И у неё перед глазами вставали эти страны, необжитые острова, поросшие деревьями со сладкими сочными плодами, широкие, усыпанные золотистым песком, а не валунами и галькой, пляжи и тот один – необитаемый, у которого они бросят якорь.

– Подъём! – орёт Адик, заглядывая в комнату.

Никто из девчонок не догадался взять с собой будильник, и его роль выполнял староста.

– Такой сон перебил, – посетовала Ната.

– А кто тебе снился? Принц на белом коне?

– Нет. Викинг в морском плаще.

Натянув брюки и майку, пошла к умывальнику. Плохо, что он был общий, да ещё и на улице. Ната привыкла по утрам мыться до пояса, а здесь, на виду у всех, это было невозможно. Но в майке можно было помыть хотя бы под мышками, чтобы смыть ночной пот, а потом надеть другую сухую майку. С другой стороны умывался Володя, и они стояли друг против друга. Их взгляды встретились, и Ната вздрогнула от неожиданности: те же глаза, та же нежная обворожительная улыбка... Всё так же, как было во сне. Он знает, что был во сне? Как это понимать? Ей стало не по себе.

– Что тебя так разволновало? – спросил, вытирая лицо, выпрямившись во весь рост, едва не задев навес над рукомойниками.

Господи, та же мощная грудь и горделиво посаженная голова. Почему-то подумала: «А вот его руки во сне не видела. Такие ли они, как у него?» А у него такие, какие ей нравятся. Ни тонкие и худые, как у Глеба, а с мощной и развитой мускулатурой от локтя до кисти.

Он подошёл, слегка махнув перед глазами полотенцем:

– Что с тобой, девочка? Ты какая-то не такая...

– Я всегда «не такая».

– Сегодня особенно. Я могу тебе чем-то помочь?

– Не думаю. Это не в твоих силах.

Что могла она ему объяснить, да и надо ли было? Ну, приснился сон, а потом продолжился наяву, и всё переплелось. В двух словах не скажешь, а всё объяснять долго. Она резко повернулась и ушла в комнату. Значит, где-то когда-то они уже встречались. А может быть, эти две романтические души и сейчас где-то живут, и ей это передалось во сне или она сама там была и подсмотрела? Пишут же учёные, что душа во время сна покидает тело и где-то витает.

Ната оглянулась. Клёсов, закончив утренний туалет, натягивал тельняшку. Тут она совсем растерялась. Во сне был моряком и наяву, хоть и не моряк, а почему-то в тельняшке.

– Тебя удивила моя тельняшка? Вернее, она не моя, а отцова. Он у меня во время Великой Отечественной воевал командиром подводной лодки. Осталась вся морская форма. Но сейчас он поправился и надеть уже ничего не может. Я иногда надеваю и щеголяю. А тельняшку он мне подарил, и я решил взять её в колхоз. Но у тебя ещё что-то за душой. Что за вопрос крутится на языке? Давай, выкладывай!

– У тебя бывает так, что сон переплетается с явью, что сон продолжается наяву?

– Нет... такого ещё не было. – Он решил не признаваться, что видел её глаза во сне и видит наяву. – Я так понимаю, что с тобой это произошло сегодня и обескуражило. Да, это интересно. Расскажи.

– Потом.

Глава 2

После завтрака ждали машину, которая должна была их увезти на картофельное поле.

– Я не отстану от тебя, пока ты не расскажешь мне, что было у тебя в глазах и на языке в умывалке.

– Бывает ли у тебя такое, что тебе снится сон или наяву происходит событие, в результате которого ты получаешь для тебя раннее неизвестную информацию? Причём, эта информация меняет твоё прежнее представление о вещах, которые были такими знакомыми. Эта информация влияет на ход твоих мыслей, меняет твоё отношение к окружающему миру, меняет мировоззрение?

– Бывает, и не только у меня, но и у всех в большей или меньшей мере. Так познаётся мир.

– Вот и у меня такое было сегодня. Я вдруг подумала, что не случайно я в тебе в первое мгновение нашего знакомства увидела викинга. Ты действительно, когда-то был викингом.

– А такое разве возможно?

– Наверное, возможно. Мне сегодня приснился викинг, и это был ты – твои глаза, твоя улыбка, твоя фигура. И, когда в умывальнике ты посмотрел на меня глазами того викинга и точно так же улыбнулся, я растерялась.

Володя не стал рассказывать, что она ему тоже снилась, чтобы не перебить ход её мысли.

– А у тебя первый раз такое совпадение?

– Такое – первый раз. А вообще, с детства сталкивалась с подобными явлениями. Сначала удивлялась, а потом привыкла. Но такое – впервые.

– А какое было?

– Например, мне часто снились тетради учителя. У меня перед глазами разворот и я вижу правую страницу, на ней план урока. Написано красивым почерком, правда мне никогда не приходило в голову сравнить почерк учителя с тем, что я видела во сне. Так вот: отчётливо вижу свою фамилию и вопрос, который мне будет задаваться. Поэтому я не регулярно учила уроки. Во всяком случае, почти всегда знала, когда меня вызовут и что спросят. Когда ловили врасплох, получала двойки.

– Хорошо тебе было. У меня таких подсказок не было. Явно, тебе кто-то помогает.

– Потом мне часто снились всякие события по жизни, которые потом происходили. Я сначала удивлялась этому, а потом привыкла. Только я не понимаю, зачем я заранее о них должна была знать, какие я выводы должна была из них сделать. Знаю, что такое бывает, а зачем и почему, не понимаю. Ну, тетради – понятно, чтобы хорошую оценку получить, чтобы не попасть впросак. А например, мне снится учительница музыки, с которой я договариваясь об уроках. Проходит какое-то время. Я после уроков иду к своей соученице. Зачем, уже не помню. Мы решаем свою проблему, потом я её прошу поиграть на пианино. А я начинала учиться музыке ещё в шесть лет. А когда родители развелись, мама не смогла оплачивать моё обучение. Мне так понравилась её игра, что я захотела и сама учиться дальше. На следующий её урок мы идём вместе к её учительнице, и я договариваюсь об обучении. И много такого.

– И ты стала учиться?

– Ну, да.

– А мама деньги нашла?

– Нашла. Только не знаю где. Может быть, с отцом договорилась. Но я недолго занималась. Где-то половину года. А летом поступила в музыкальную школу. В ней меньше стоило обучение.

– И сколько училась?

– Поступила в третий класс и закончила семилетку.

– Если у тебя было музыкальное образование, почему же ты пошла в технический институт?

– Потому что я никогда не собиралась заниматься музыкой. Это обучение было для общего развития. И потом, у меня нет слуха. Вот отец у меня... да! Он моментально любую мелодию подбирает на слух без нот. У мамы хороший голос... поёт. А я – ни слуха, ни голоса.

– Зато у тебя есть что-то другое, чего, наверное, нет у твоих родителей.

Подошла машина. С двух сторон по колесу поднимались в кузов. Так получалось долго, поэтому ребята открыли задний борт и начали впрыгивать.

– Володя, влезь в кузов и подай мне руки, – попросила Ната.

Взявшись за них, она упёрлась правой ногой в ребро пола кузова. Ей, делающей шпагат, это было несложно.

– Сейчас, когда я оттолкнусь, подними руки и сделай шаг назад, чтобы я тебя не сшибла с ног.

И, оттолкнувшись левой ногой, взлетела в кузов, почти растянувшись в шпагате. Кто это видел, раскрыл рот: цирковой номер.

– Каким видом спорта ты занимаешься? – спросил поражённый её взлётом, Володя.

– Занималась. Художественной гимнастикой.

– Какой разряд?

– По мастерам уже работала.

– Почему работала?

– Потому что в Новочеркасске такой секции не было.

– Но ты до сих пор в форме.

– Я сама тренировалась в секции спортивной гимнастики, чтобы поддерживать форму.

– Ты каждую минуту чем-нибудь удивляешь.

– А что тут удивительного? Обычный элемент для спортсмена.

– Ну, я занимаюсь регби, но такого не сделаю.

– Это элементы акробатики. У тебя другие достоинства, – вдохновила его Ната, с лукавинкой в глазах.

Она вспоминала, с чего начинался её спорт. Они уже жили у бабушки на Нестеровке. В городском саду цирк разбросил свой парусиновый шатёр. А под его куполом высоко вверху, выписывали свои немислимые фигуры воздушные гимнасты и акробаты. Ната, затаив дыхание, следила за их движениями. Она была там, под самым куполом и растягивалась в «шпагате», сгибалась в «мостике», касалась ногами головы вместе с ними. Она была мысленно одной из них. Её душа порхала, восторгаясь. Как обворожительно красивы эти движения! Придя, домой попробовала повторить всё то, что проделывала мысленно в цирке. Но не тут-то было! Это оказалось не так просто: спина не гнулась, ноги не растягивались в «шпагат», и не доставали до головы. Что-то, конечно, получалось, но ей ещё так далеко было до цирковых гимнастов, и она начала тренироваться. Каждый день она приходила в родительскую спальню, так как в неё почти никто не заходил и не мог ей помешать, и гнулась, и растягивалась по нескольку часов. У неё кружилась голова от недоедания, ведь это был голодный 1946-ой год, но, преодолевая головокружения, она упорно тренировалась. Перед её взором мелькали красивые гибкие, светящиеся в лучах прожекторов фигурки цирковых артистов. Она так хотела быть похожей на них, научиться выполнять то, что проделывали они. И это желание было сильнее недомогания, сильнее детской лени. Конечно, в цирк она ещё не могла попасть, потому что сначала надо было окончить школу, но уже в первом классе, на первом же утреннике вызвалась исполнить «Акробатический вальс» со всеми элементами, которыми овладела к тому времени в совершенстве. Сейчас, вспоминая те дни, удивлялась, своему упорству и силе духа той маленькой тщедушной девочки.

Ната выделялась в среде сверстников и по внешнему виду, и по внутреннему содержанию. До четвёртого класса она была самой красивой девочкой в классе и самой гибкой. Светлые волосики, открывая высокий лоб, были всегда аккуратно собраны красивым бантом «восьмёркой», то есть с двойным узлом. Крепдешинный или креп-жоржетовый бант, светлых тонов в праздники и потемнее – в будни, красиво лежал на её головке. Тонкие чёрные брови, ровными стрелами уходили вверх, к вискам. Ясный, чистый и открытый взгляд располагал к себе. Короткий маленький носик придавал лицу миловидность. Ладная, округлая фигурка, притягивала к себе взгляды и детей, и взрослых. Она умела выполнять «шпагат», «мостик», «лягушку», «цветочек» и многие другие акробатические элементы, как называли их между собой девочки. На всех школьных праздниках обязательно выступала со своим неизменным «Акробатическим вальсом». Она не боялась публики, и сцена её не пугала. Но вскоре её перестали называть самой красивой девочкой, но первенство она всё же оставила за собой. Физиологический переход от девочки к женщине у неё сопровождался изменением внешности. Выросла грудь и была самая большая в классе. Теперь в этом было её первенство. Нос стал непомерно большим и толстым, покрылся угрями и стал краснеть при перемене температуры и от смущения. Он испортил лицо, нарушив пропорции, и несколько лет оставался самой большой её мукой. Угри бабушка заставляла протирать солью, и они с годами уменьшились и стали незаметнее. Краснеть нос тоже перестал, исчезла припухлость, присущая переходному возрасту, но в своё прежнее состояние он так и не вернулся. Лицо её навсегда потеряло миловидность. Но эта диспропорция делала его непохожим на другие лица. Его нельзя было отнести ни к одному существующему типу.

И всё же, лицо её бывало красивым, когда сквозь кажущуюся внешнюю некрасивость проступала её внутренняя красота, красота души, не предназначенная для поверхностного сиюминутного взгляда. Эта красота проявлялась для тех немногих, кто был достоин быть ею покорённым. Красивым оно становилось и когда его озаряло вдохновение, увлечённость. И, если в такие минуты его можно было назвать красивым, то только благодаря необыкновенной красоте глаз, когда вдохновением и любовью дышала каждая клеточка, каждая чёрточка её лица. Свет, проступающий изнутри, наполнял глаза, разливался по лицу, смягчая его жёсткость. Но это не была та мягкость, за которой следует уязвимость. Меньше всего она была похожа на ту, которая могла быть кем-нибудь или чем-нибудь уязвима. Это ей не грозило не при каких обстоятельствах. И это читалось на её лице, даже когда черты были смягчены чувством и восхитительно красивы. Весь её облик говорил о том, что везде и всегда она останется выше всяких обстоятельств. Не каждый отважится полюбить такую девушку и наслаждаться красотой такого независимого лица, приблизившись к нему, и покрывая поцелуями. Только сильную натуру и только сильная страсть может толкнуть на это. Такой она была, и только такое отношение предопределяла к себе.

В школе всем дают клички. Кстати, Ната обладала даром припечатывать очень точные и образные клички, соответствующие самой сущности объекта. А саму её обозвали «Нефертити», благодаря смуглой коже, раскосым глазам, прямому восточного типа носу и манере повелевать. Ей льстила эта кличка – всё-таки, сравнивали с легендарной царицей, хотя зачастую её произносили с совсем не лестной интонацией, выражающей гордыню и задаваку. Она действительно никого и ничего не боялась, знала больше сверстников, многое умела, и чувствовала своё превосходство над остальными. Естественно, это проявлялось в её мимике, жестах, поступках. Она даже дралась с мальчишками, но не ради удовольствия, а защищая обиженных. Драться она научилась у тех же мальчишек. На их улице от угла до угла, среди сверстников, в каждом доме подрастали одни мальчишки и только две девчонки – Ната, и её подружка Лиля, которую мальчишки прозвали Кудя. Этим странным прозвищем она обязана постоянному вопросу: «кудя посёл?», который она задавала старшему брату, когда ещё не умела выговаривать чётко слова. У мальчишек Ната научилась и в футбол играть. Сначала мальчишки

девчонок ставили на ворота, но Ната не могла спокойно стоять в воротах и смотреть, как они бестолково бегают за мячом. Она выскакивала из ворот на поле, в самый водоворот событий, и наравне с мальчишками владела мячом, а может, иногда даже и лучше. Только самые сильные и ловкие могли посоревноваться с нею. Своим вмешательством она ломала им всю игру: какая же игра без вратаря, а то ещё и забивала гол в противоположные ворота. И тогда начинался долгий спор: засчитать этот гол или нет. Понимая, что неплохо играет на поле, неохотно соглашалась становиться в ворота. Позже предложила бросать жребий. Ещё в детстве она заметила, что ни разу ей так и не выпало по жребию быть вратарём. И на протяжении последующих лет она поняла, что имеет какую-то власть над жребием, потому что вытаскивала всегда то, что ей нужно было. Теперь мальчишки могли только попросить её стать в ворота. Соглашаясь, она знала, что за это одолжение сможет для себя выторговать уступку, когда это будет необходимо. Например, зимой лишний раз прокатить с горы на «козлах». Гордая, независимая, смелая ходила она по улицам своего любимого посёлка металлургов, своей вселенной.

* * *

Адик был старше всех в группе и жил с мамой. У него уже был неудачный брак. Он имел опыт общения с женщиной, и ребята часто к нему обращались за советом. Наблюдая за этой интересной парой, был уверен, что у них взаимная любовь и счастливое будущее.

– Ты долго искал пару и, видно, не зря выбирал, – обратился он к Володе. – Вы идеально подходите друг другу.

– Подходим, но не подойдём, наверное.

– Что так?

– Она выходит замуж за другого.

– Да ты что?

– А такое впечатление, что любит тебя.

– Это только впечатление.

– А ты переспи с ней, и она выйдет за тебя.

– Мне и в голову такое не приходило. Как можно?

– Ты ей в любви объяснялся?

– Нет. Как я могу объясняться, если она любит другого? Ей не нужны мои объяснения.

– Я бы не сказал. Попробуй, может, получится, и она будет твоя.

– Она даже не позволила обнять себя, и я знаю, что не позволит и всё остальное.

– Женщины любят ласковые и нежные слова, наговори ей таких, они её проймают.

– Если они её и «проймают», то она и виду не покажет, и никогда не пойдёт на предательство.

– Это ужасно. Ты попал в такую переделку, Клёсов... вот, и дождался.

– Да, я долго ждал любовь, и я её дождался. Не всегда любить значит лобызаться. Настоящая любовь – выше этого.

– Ну, если ты это так считаешь, тогда ты счастливый человек. Преклоняю перед тобой голову. Но безответная любовь – это нестерпимая мука. Вынесешь ли ты её?

– Об этом рано ещё говорить. Мы знакомы всего несколько дней. Пока я наслаждаюсь знакомством с ней. Она незаурядная девчонка, и мне с ней хорошо. И я знаю, что она будет моей, пусть это будет не скоро, но это будет.

* * *

Никто, кроме неё не может говорить одно, а подразумевать другое. На это способна только она, и ведь он понимает её! Значит, в нём заложена эта способность, способность читать

её истинные мысли! А такое могло произойти только на небесах, только на небесах, когда его готовили к земной жизни. Почему же не сделали так, чтобы они встретились раньше, когда Ната была ещё свободной? Почему? Почему он должен пройти через такие муки? Который раз его будоражили такие мысли. Как же хорошо сейчас вот так сидеть напротив, и смотреть, как она зашивает рубашку. Он зацепился за гвоздь и разорвал её возле петельки. Пуговица всё время выскакивала, расстёгивалась рубашка.

– Ты что такой расхристанный ходишь? Пойдём, я зашью.

Ему было удивительно, что эта девочка, обитающая на небесах, может выполнять такую обычную земную работу. Она шила, а он сидел и представлял, как они поженятся, будут жить вместе, и она вот так будет зашивать вещи. Как-то странно. Ему до этих пор казалось, что она необыкновенная, что эти зелёные глаза под смоляными бровями, улетающими в космос, не могут принадлежать обыкновенной девочке. И вдруг, как обыкновенная, зашивает рубашку.

– Ната, у тебя такие чёрные брови, словно ты их смолой подводишь.

– Угу, сажай, что в печке.

– Смеёшься? А вот ни у кого нет таких блестяще-чёрных.

– Вторая бабушка.

– Чья?

– Моя.

– Причём тут бабушка?

– Она ещё, когда я училась в школе, у меня спросила: «Чем ты брови красишь?» и очень меня удивила своим вопросом.

– И что ты ей ответила?

– А когда мне их красить?

– В смысле?

– В смысле того, что я училась в общеобразовательной школе, в музыкальной, а это инструмент два раза в неделю, сольфеджио, хор и музлитература – по одному разу, в спортивной школе – тоже два раза в неделю, один раз в неделю литературные среды и после занятий в школе кружки: драм, хор, танцевальный и литературный. Ещё по школам ходила и собирала материал для заметок в газету о школьной жизни.

– Зачем?

– Я была внештатным корреспондентом газеты «Комсомолец Донбасса». Как ты думаешь, было у меня время брови красить?

– Точно не было. Но как ты успевала? Если всё посчитать так часов в сутках не хватит на всё это.

– Хватало же. Я привыкла к такой нагрузке настолько, что, когда в институт поступила, изнывала от безделья.

Ната протянула ему рубашку:

– Вот. Цела твоя петелька.

Как ей хотелось сейчас приложить ладонь к его груди, ощутить тепло, погладить курчавые волосики, но разве девочке можно это делать до замужества? Она смотрела на него и молчала, а он читал в её глазах: «Мои руки прикасались к твоей рубашке, и через неё будут они прикасаться и к твоей груди, будут гладить её и ласкать, согревать теплом моей любви».

Он взял рубашку, приложил к груди и посмотрел на Нату с такой нежностью, которую она ещё не наблюдала не только в его взгляде, а вообще ни в одном взгляде. Это смутило её.

– Пе-е-те-е-ли-и-чка, – произнёс медленно, по слогам, губами, сложенными для поцелуя, растягивая гласные, как бы упиваясь поцелуем, источая необыкновенную нежность. С тех пор эта сакральная «пе-е-те-е-ли-и-чка» обозначала поцелуй и даже что-то большее.

«Пе-е-те-е-ли-и-чка», – произносил он заманчиво обволакивающим голосом, устремляя на неё затуманенный, хмельной взгляд.

«Пе-е-те-е-ли-и-чка» – отвечала она, задыхаясь от прилива чувств.

Теперь он носил всё время эту рубашку на голое тело и никогда не снимал (только за редким исключением). Он действительно ощущал ласкающее тепло и лёгкое прикосновение её пальцев. Они опускались всё ниже и ниже, до тех пор, пока не восставал его «ёжик». Он называл его «ёжиком». Почему? На то были свои причины. Считал, что он окружил себя иголками, защищаясь от девчоночьих взглядов. И ему это удавалось. Ни один взгляд не проник сквозь частоту иголок. Он оставался неуязвим и спокоен, величественно спокоен, и это иногда даже пугало Володю. Он начал думать, что «ёжик» вообще не реагирует на женщин. Но он не реагировал и на мужчин. И только Нате с первой встречи удалось расшевелить его и... опали иголки. Это было неожиданно и удивительно. Неужели он сбросил свою броню? И это смогла сделать эта девчонка, вернее её взгляд, который таки пробился сквозь выставленный частокол. Ему хотелось проверить это ещё и ещё, убедиться, что это не случайное явление. И тогда, в тот первый день он пошёл за ней следом и стал на соседний ряд. Они собирали кукурузу. Он быстро собирал на своём ряду, а потом возвращался по её ряду и шел ей навстречу. Никто не мог его ни в чём заподозрить: сильный пол помогает слабому. Но он-то знал, что, приблизившись, получит от неё взгляд благодарности. Это ему и надо было. Достаточно было взгляда, и «ёжик» шевелился, и с каждым разом становился всё смелее и смелее, а потом стал наглеть. Как же долго он ждал этого! Ему двадцать лет, а «ёжик» до сих пор был холостяком. Наконец-то он выбрал себе подругу. И как с этим теперь быть? Надо как-то дать ей понять, может быть, и она испытывает что-то подобное, ведь в её взгляде есть то, чего он не замечал ни у одной девчонки. Надо действовать. А как? Он не встречался ещё ни с одной девчонкой и не знал, как и когда подойти, что сказать. В тот вечер он только об этом и думал, и ничего не мог придумать, а просто пригласил на прогулку.

* * *

Они вместе читали «Триумфальную арку» Ремарка, лёжа на траве рядышком, опираясь на локти.

... «На белом столе лежало то, что несколько часов назад было надеждой, дыханием, болью и трепещущей жизнью. Теперь это был всего лишь труп...» Нату охватил леденящий душу ужас: её могла постичь та же участь, но Бог миловал. Как-то раньше она не задумывалась над этим, а если бы она «подхватила»... ей даже сейчас стало жутко. Через что бы ей пришлось пройти?! Она откинулась на спину.

– Заболели локти? – спросил Володя.

– Да.

– Отдохни. Подожду тебя.

И Володя не стал читать дальше и тоже лёг на спину.

На небе застыли облака, словно их приклеили. Красивые, с завитушками, они белели на ещё голубом небе «бабьего лета». А ведь она могла ничего этого уже не видеть. Легальные абортывы были запрещены законом, а от нелегальных часто умирали. На соседней улице от кровотечения умерла совсем молоденькая девочка. Ей было семнадцать лет. Жених отказался жениться на ней. Она не смогла вынести позора и решила избавиться от ребёнка. Но пошло что-то не так. Врачи не имели права её спасти до тех пор, пока она не скажет, кто ей делал нелегальный аборт. Она не сказала, потому что поклялась не выдавать акушерку. Её хоронили в белом свадебном платье. Весь посёлок был в трауре. Это был такой ужас и урок для всех девушек и девчонок в округе. Ей такое не грозит, да и Глеб сказал ещё тогда, что они поженятся, и позора никакого не будет, вернее, о нём никто не узнает. А ведь могло всё быть и по-другому. Только от одной этой мысли ей стало не по себе. И ведь она в этом не виновата. Наверное, только поэтому Боженька её простил, её милосердный Боженька, и не позволил дойти ситуа-

пии до такого кошмара. Но пока они не распишутся, позор будет висеть над ней. Почему под руки попала именно эта книга? Зачем она здесь? Чтобы напомнить ей о её позоре, чтобы она содрогалась от ужаса, узнав, что с нею могло бы такое произойти? Чтобы всё испортить, чтобы отнять у неё эти редкие часы счастья? А может быть, это предупреждение, подсказка, чтобы не допускала к себе Глеба, пока не распишутся? Она снова склонилась над книгой, и они продолжали читать.

– ... «Что может дать один человек другому, кроме капли тепла? И что может быть больше этого?» – прочёл вслух Володя. – Ещё несколько дней назад для меня бы эти слова были абстрактными, я бы их не понял. Теперь я знаю, что такое тепло, которое передаётся от человека к человеку, особенно от любимого.

– Я подтверждаю твои слова. Такое тепло особое. Оно греет, возвышает, возносит в небеса.

– И от кого же ты испытывала такое тепло? – с некоторой обидой спросил Володя.

– От тебя.

– А от мальчика?

– У него, наверное, его мало и самому не хватает. Может же такое быть? С избытком дано тому, кому суждено его дарить, а кому-то с недостатком.

– А у меня? – волнуясь, спросил Володя. Ожидая ответа, посмотрел Нате в глаза, чтобы удостовериться в искренности, чтобы быть уверенным, что так и есть, что она не утешает его.

– У тебя его с избытком.

– И ты ощущаешь?

– Очень ощущаю.

– Я счастлив, счастлив потому, что даю тебе тепло, и счастлив потому, что получаю твоё тепло. Я не знаю, какое моё, а твоё – такое нежное, такое доброе и волнующее, пробирающееся в самые мои закутки. Тепло любимой девочки... оно самое дорогое на свете. Правильно написал Ремарк, а сказал Равик: «Только мечта помогает нам мириться с действительностью». Я начинаю любить этого Равика, как старшего и мудрого брата. Он мне много чего подсказывает. Эти слова относятся и ко мне: только мечта, что мы с тобой будем вместе, позволяет мне наслаждаться твоим присутствием. И я верю в неё. Рано или поздно ты придёшь ко мне. Будь честной, скажи, мечтаешь ли и ты об этом или это только моя мечта.

– Если быть честной, мечтаю. Я не думала о мечте, просто верила, а ты правильно сказал, что мечта позволяет наслаждаться. Мне хорошо с тобой. В эти краткие минуты, когда мы можем посидеть вместе, поговорить, не отравлены отчаянием и безысходностью, они согреты верой, верой в наше счастливое будущее.

– Если ты говоришь, что выходишь замуж за любимого мальчика, то почему твои дни «отравлены отчаянием и безысходностью»?

– Потому, что всё не так просто, потому что я встретила тебя... ладно... не допрашивай...

* * *

Холодный и пасмурный вечер заставил девчонок затопить печь. К ним в комнату набились ребята погреться. Зашёл и Володя. Рассказывали анекдоты. После Любы была очередь Наты.

– В одной компании собрались немка, американка, француженка и русская Маша. Произносили тосты. Француженка говорит: «Я предлагаю выпить за тех мужчин, которые делают нас красивыми!» «А-а, за парикмахеров!» – сообразила Маша. – Все дружно засмеялись над простодушной и наивной Машей. Когда Ната произносила «за тех мужчин, которые делают нас красивыми», посмотрела на Володю. Её взгляд говорил: «Ты тот мужчина, который делает меня красивой, потому что только любовь может сделать женщину красивой». Он едва не задохнулся

от такого признания, а «ёжик» чуть не выскочил из брюк. Благо в комнате не горел свет. Она освещалась только бликами огня, вырывающимися из щелей между кладкой печи и дверцей, и никто не мог заметить поведение его «ёжика». Его же это и обрадовало, и испугало. А если он поведёт себя так при дневном свете и при всём народе? Он, который ждал его пробуждения, теперь стал бояться, что он опозорит его. Если заметят ребята, замучают своими шуточками. И так по поводу его интереса к Нате «прохаживаются». Он столкнулся с трудностями, о которых даже не предполагал. Никогда не думал, что часть его тела не будет ему повиноваться, не будет ему подвластна, а даже наоборот – будет иметь над ним власть. Он мог восстать, когда ему заблагорассудится, не предупреждая об этом. И Володя, желая видеть Нату, наслаждаться её обществом, должен был сторониться и осторожничать по этой причине.

На следующий день он стал через несколько рядов от неё и ушёл в дальний конец поля. Он видел, как оглядывалась Ната и, не найдя его на соседних рядах, с тревогой осматривала дальние. Его радовала её тревога, но он опасался. Заметив Володю вдалеке, Ната пошла к нему. Он остановился и сел «отдохнуть», давая таким образом ребятам немного удалиться от него. А «ёжик» рвался в небеса, в непознанные дали, в непреодолимые пространства. Его манила их грандиозность и неизведанность. При одной только мысли, что Ната приближается, он ликовал. Так вот, как это бывает! До сих пор Володя жил безмятежной жизнью. Ему хотелось влюбиться, но любовь не приходила. Он был равнодушным ко всем девочкам, которым нравился. Даже не всем мог предложить дружбу – душа строго отбирала. Казалось, и красавица, и умница, а вот не по душе.

– Вот где ты спрятался от меня! Я чем-то тебя обидела или ты просто решил изменить наши отношения?

– Да нет – всё в порядке. Отношения те же.

Она села рядом с ним. Для Наты сидеть без опоры всегда было сложно – очень быстро начинала болеть спина, а тем более после бесконечных наклонов – они собирали картошку. За день устал позвоночник и требовал отдыха. Поэтому, немного посидев, чтобы снять нагрузку, легла на спину рядом с сидящим Володей. Володя смутился: что это? Предложение? В голову ударил хмель и уйма вопросов: как поступить? Принять или отклонить? Если принять, что делать? Но, очнувшись, вспомнил, что они на поле, у всех на виду. Но руку всё-таки просунул под голову, чтобы ей удобнее было лежать, и таким образом и сам развернулся к ней в пол оборота, как бы нависая над ней. Их взгляды встретились. Они долго смотрели друг на друга, понимая, что они оба хотят того, чего никогда между ними не произойдёт. У Володи вырвался стон, а Ната крепче сомкнула губы.

– Мне так хочется тебя обнять, прижать к себе... какая же это мука.

– Не начинай! Мы ничего не можем изменить. Я – закольцована.

– Сорви это проклятое кольцо! Я же чувствую, что тебе многое, если не всё во мне нравится. Хотя бы скажи, что тебе нравится во мне, если не можешь позволить действия, то хотя бы скажи. Скажи, прошу тебя!

– Ты мне нравишься, может быть, я даже люблю тебя. Ты вызываешь во мне незнакомые чувства, меня волнуют твои взгляды.

– А его взгляды тебя тоже волнуют?

– Нет... не так.

– «Не так», а как? Как? – чуть не кричал он.

– Я захлёбываюсь ими, а скорее наполняюсь, как воздушный шарик, и лечу в небеса. Ты всё делаешь не так, как он. У тебя совсем другая манера поведения, и жесты другие, и взгляды, тон разговора, тембр голоса. И всё это трогает меня, волнует. Я наслаждаюсь тобой. Ты делаешь всё по-особому. С тобой ко мне пришли чувства и ощущения, которые я не испытывала раньше. Они мне вообще были незнакомы. Что между нами что-то было, есть и будет, я поняла в первое же мгновение, когда заглянула в твои глаза, там, возле машины. Я поняла, что ты

не случайный прохожий, который просто встретился на моём пути. Твой взгляд, твой образ викинга сулил мне романтическое будущее, захватывающее и неповторимое. Пока ещё такое смутное приятно-волнительное рисовалось в будущем. Но я уже в те минуты знала, что мы не расстанемся.

– Как же не расстанемся, если ты выходишь замуж?

– Сейчас выхожу, а я говорю о будущем.

– Ты меня обрадовала своим предвидением, потому что я очень хочу, чтобы мы были вместе.

* * *

Каждый год первого сентября все студенты Советского Союза уезжали в колхозы на уборку урожая. Это называлось официально «В помощь труженикам села», а не официально – «На картошку», потому что чаще всего убирали картошку. Но даже, если занимались уборкой других сельскохозяйственных культур, всё равно говорили: «На картошку». Помощи от них, конечно, было не много, а вот к труду приобщались, познавали нелёгкий труд земледельцев, видели с каким трудом достаётся и хлебушек, и молоко с маслом. И надо сказать, что студентам это нравилось. Они были целыми днями всей группой вместе, а иногда и с другими группами. Здесь ярче проявлялись черты характера, и сокурсники глубже узнавали друг друга, происходили самые невероятные знакомства, которые заканчивались любовью и даже замужеством. После работы на поле студенты были свободны до самой ночи. Свободное время каждый использовал по своему вкусу: кто-то бродил по окрестностям – изучал флору и фауну местности, кто-то уходил на свидания, а кто-то организовывал дискуссии. Зачастили непогожие дни. Девчонки затапливали печь, к ним приходили ребята, и вся группа собиралась вместе. Анекдоты вроде все порассказали. Начали рассказывать, кто что читал. Ната вспомнила, как в пионерских лагерях перед сном девчонкам на память читала прочитанные зимой книги. Но рассказать целую книгу даже за целый вечер не получится, и решила рассказать что-нибудь короткое.

– Одно и то же звучание слова для разных национальностей может обозначать разные предметы. Например, мы знаем, что слово «Соль» обозначает сыпучий продукт солёного вкуса. А у итальянцев этим слово назывался бог Солнца и нота соль. А откуда происходит слово «каникулы»? Сириус – самая яркая звезда в созвездии Большого пса. С нею у египтян было связано наступление жарких дней. Греки её звали собачья звезда или «канис». Отсюда и пошли каникулы, потому что в жаркие дни отдыхали. Когда человек попадает между двумя опасностями, обычно говорят «между Сциллой и Харибдой». Это тоже из Греции. В общем, там такая была история. В одну красивую девушку влюбился морской бог Главк. У неё много было женихов, но всех она отвергала. Тогда Главк обратился за помощью к волшебнице Кирки, а та сама любила Главка, и из ревности превратила Сциллу в страшное чудовище. Она обитала в скалах над проливом между Италией и Сицилией. А напротив обитала Харибда – чудовище – водоворот, которая три раза в день поглощала воды и выпускала назад. Этот пролив был опасен для мореплавателей. Там и Эней, нам известный, пострадал.

– Ната, похоже, ты забираешь хлеб у «Философа», – заметил Карасенко.

– Нет. Хлеб у каждого свой насущный, как и борозда. Бог каждому из нас дал свою борозду, рассказывала мне бабушка, и наказал её вести ровно. А ровно её вести можно только тогда, когда не оглядываешься по сторонам и не заглядываешь на чужие борозды.

– Ты же комсомолка, а веришь в Бога, – съехидничала Скредова.

– Я верю во Всеединый Разум, которого люди Богом называют.

– А какая разница? – упорствовала Лора.

– Ну, если для тебя нет разницы, то мне говорить с тобой не о чем.

– Нет, но ты нам уже объясни тёмным, – подключился Карасенко.

– Всеединый Разум – он один. А Богов может быть много, как в Греции, в Италии, как у нас сейчас – христианский, мусульманский и так далее. Бог – сам по себе, всё создал и всё контролирует. Бог – это религия, а Всеединый разум – это учение, я так понимаю. В зависимости от того, во что ты веришь, так и называешь. Сказали же коммунисты, что «религия – это опиум для народа».

– А ты этот... разум называешь Богом.

– Так проще, потому что все так называют. Бог – для меня это всемогущее, недостижимое и непознанное. Я не навязываю вам свои убеждения, а только делюсь ими. Вы можете их принимать, а можете и не принимать. А давайте, когда начнётся учебный год, будем семинары такие организовывать: называть тему, к ней вопросы и искать на них ответы. А потом встречаться и рассказывать кто, что нашёл. Таким образом мы расширим свой кругозор.

– А давайте, – поддержали её Клёсов и староста.

– Я не буду ничего искать, – заявил Потёмкин, – послушать, пожалуйста.

– Кому интересно над собой работать, тот будет. Заставлять насильно никто никого не собирается.

– А кто знает, что такое «гений», кроме того, что это умный человек, незаурядная личность, умеющая делать то, что непостижимо для обычного смертного?

Все молчали. Клёсов подождал, движения не было.

– Никто? Удивительно, а ведь это всего-навсего – дух. И было их два, и олицетворяли они внутренние силы и способности мужчины – добрый гений и злой гений.

– А до этого у римлян Гением называли основателя рода, – добавила Ната.

– Это ж как повезло нашей группе, – воскликнула Скредова. – У других ни одного, а у нас аж два «философа»!

Кроме своего ехидства, она ничего не могла предложить, а другие ребята рассказывали интересные вещи, и длинный дождливый вечер прошёл незаметно быстро.

* * *

В клубе устроили танцы. Нату пригласил Вадим Сныков. Он совершенно не чувствовал веса её тела. Девочка словно парила в воздухе, плавно перебирая ногами, и прогибаясь в спине, слегка отбрасывая назад плечи и голову в такт музыки. И он с нею заодно едва касался земли, но скорее от счастья, чем от техники исполнения. Да что там едва... он был на взлете, он вместе с нею поднимался в желанные небеса, очарованный музыкой и танцем, и той девчонкой, которую держал в руках. Вадим не слышал, что музыка окончилась, и не заметил, что танцующие возвращаются на свои места. Только когда Стёпка Карасенко прокричал ему на ухо: «Всё! Музыки нет!», он очнулся. Что это было? Какое-то священнодействие! Если она в танце может заставить чувствовать такое, то... что же будет, если она поцелует, а если... И это «если» прочно застряло в его голове. Пока он соображал, заиграл оркестр, и её пригласил уже другой мальчик, а после танца увел к противоположной стене. Вадиму больше не удалось потанцевать с ней ни в тот вечер, ни потом, потому что танцев у них больше не было. Клуб был почему-то закрыт. Говорили: «Директор в отпуск ушла». Но этот танец потряс его до такой степени, что он ходил как заговоренный и только мечтал о том, чтобы с нею станцевать хотя бы один раз. С завистью смотрел на Клёсова, который увивался и неотступно следовал за Натой, не оставляя ему надежды приблизиться к ней.

* * *

По вечерам любители «пофилософствовать» собирались под южной стеной «столовой», усаживаясь, на что придётся. С первого курса у них была эта традиция, и завёл её Клёсов, поэтому и прозвали «философом».

– А что мы знаем о происхождении человека? – спросил Клёсов.

– Да ничего толком... – ответил Валера Бойко.

– Дарвин говорит, что от обезьяны, – продолжил разговор Володя.

Разговор подхватили другие:

– А почему следующие поколения обезьян в человек не обращаются?

– Вот тебе и дарвиновская эволюция!

– Да и об эволюции нам ничего не известно. Меня интересовали эти вопросы, и я искал книги. А книги пишут, что нет фактов и доказательств умственной или физической эволюции человека, появившегося после потопа.

В группе признанным «корифеем» считался отличник Валера Бойко, наверное потому, что был из профессорской институтской семьи. Клёсов тоже был отличник, но он был просто «философ». В группе более начитанных, чем эти двое не было, и поэтому все замирали, когда они начинали рассуждать. «Корифей» поддержал «философа»:

– Возьмём допотопное человечество, доисторическое...

– С допотопным я согласна, но почему доисторическое? Это ведь тоже история, – включилась в беседу Ната. Ещё в школе учили, что история – это наука, которая изучает законы и закономерности развития человеческого общества.

Все с удивлением повернулись в её сторону: обычно у этих двух третьего оппонента не было. И что эта курица может сказать их столпам?

– А человеческое общество, то есть человек, даже если тогда не было государств, а были общины – это тоже общество. И потом, пока никто не знает, сколько было потопов и что вообще считать потопом. Я читала, что было несколько обледенений, а когда льды таяли, тоже были потопы. А когда, вообще, человек появился на Земле? Вообще, я считаю, что у нас не всё ещё с этим ясно: что считать доисторическим, что считать допотопным. Вот Платон пишет об Атлантиде. Цивилизация атлантов была намного развитее нас. Когда она была?

– Да это всё выдумки! Не было никакой Атлантиды, никто её не нашёл, никто её не видел.

– Твоё сознание тоже никто не видел, но ведь оно есть, – парировала Ната. – Не будет такой солидный учёный писать о том, в чём не уверен. И, кроме того, я у Гурджиева читала, что Вальзевул прилетал на Землю именно в Атлантиду. Это только то, что я читала, что мне попало в руки, а наверное, ещё много существует таких записей. Так что Атлантида была точно.

– А кто такой Вальзевул и откуда он прилетал?

– Бабушка говорила, что так называют того, кого мы принимаем за чёрта, – падший ангел Люцифер. А прилетал он с Марса. И писал, что Земля наша находится на окраине Вселенной. В центре Вселенной – более развитые миры.

– А твоя бабушка историком была?

– Нет. Старшей горничной в семье французского инженера, работающего на Юзовском заводе. Там от гувернанток и дочерей инженера она и слышала много чего интересного. А вот Льва Толстого она видела своими глазами и тоже много интересного рассказывала.

– Расскажи!

– Это длинный разговор, Валера что-то хотел сказать.

– Хорошо, согласимся на «допотопном», на том «потопном», которое мы сейчас считаем, – продолжил Валера. Так у них мы находим следы цивилизаций более развитых, чем

наша – то, о чём ты говорила. Они нам оставили в наследство такие монументы, памятники, сооружения, которые мы ни понять не можем, для чего они служили, ни как они возводились. Возьмём хотя бы египетские пирамиды. В то время, к которому учёные относят их строительство, не было техники, способной их возвести. Мой дед говорит, что это дело рук не теперешнего человечества. Он был в Египте и видел их, и был внутри. Рассказывает, что там всё – сплошная загадка.

– Если твой дед, профессор, не понимает, то, что говорить нам?

– Говорят, что их строили как гробницы.

– Ну, подумай, для чего такая огромная гробница?

– В других местах тоже есть пирамиды. Там даже и не предполагают, что они гробницы.

– Говорят, что их инопланетяне строили – осторожно вставил Вадим Сныков.

– Какие инопланетяне? Фантастики начитался! «Человек – это звучит гордо!», сказал Горький. Мы одни во Вселенной.

– Не можем мы быть одними. Я читала рассказ о птичках...

– Кстати, о птичках, – ехидно перебил рыжий. Она так и не знала, как его зовут, потому что все называли его только рыжий. Препротивный тип.

– Да, о птичках. Но в нём было сказано о том, что любая система может существовать только в равновесии. Если есть Земля, то должна быть и Антземля, если есть человеки, то должны быть и античеловеки. Вот эти античеловеки или инопланетяне к нам и прилетают в гости. Мы же ходим друг к другу в гости, почему им не ходить?

– Много непонятного в этом мире.

– Мы не понимаем, потому что ещё находимся в неразумной стадии развития. Иисус Христос в своей «Нагорной проповеди» сказал, что человеческий разум ещё неразумный, – попыталась объяснить Ната.

Народ зашумел, возмущённый дерзостью новенькой:

– Что за чушь?

– Как это «неразумный»?

– Я что неразумный?

– Есть разные ступени разума. Например, ты положил в чай пять ложек сахара, он у тебя очень сладкий. А если ты положил три ложки, менее сладкий. Так и разум может быть всяким в большей или меньшей степени.

– Она права, сказал Володя. – Зря Иисус говорить не станет. Так оно и есть. И пройдёт много лет пока человечество станет более разумным. Все обиженно поджали губы: «Ясно, заступается за свою пассивность, а ведь она чушь говорит». Мнения разделились. Кто-то не верил этому, кто-то сомневался.

– А почему так? Почему сразу разум надлежащий не дали?

– Получается, что человек не завершён в своём развитии?

– На сегодняшний день – да.

– Но есть же законы наследственности и отбора, по которым происходит эволюция. Об этом же в учебниках пишут, – возразил Карасенко.

– Такая эволюция называется механической, – пояснил Клёсов. – есть ещё и сознательная или эволюция сознания. Видимо, определённые черты характера, его особенности могут быть только развиты при участии самого живого человека. Природа создаёт до определённого уровня, как полуфабрикат, а дальше сам своими собственными усилиями и средствами. И от тебя самого зависит, останешься ты до смерти полуфабрикатом или станешь готовым продуктом.

– Ну, Клёсов, спасибо! Чего ж нам теперь и людьми не считаться?

– Так, что я полуфабрикат?

– Кто работает над собой, к полуфабрикатам не относится. И мы не полуфабрикаты. Мы будущие инженеры!

– Господи, и где рождаются такие умные, – вздохнула Скредова.

– Учись, девочка, пока ты с нами, – посоветовал ей староста.

– Как это?

– Природа нас создала такими неразумными для того, чтобы мы дальше сами развивались. Этого даже в книжках не надо искать, это само собой разумеется. А примером высшего развития разума нам служат допотопные цивилизации, которые оставили нам свои памятники, – закончил свою мысль Клёсов.

– А чего же тогда они погибли, если такие умные и развитые были, если у них были такие технологии, о которых мы только мечтаем? – не унималась Скредова.

– Потому что во Вселенной существуют законы, которые они нарушили. Эти законы ещё закрыты от нас, потому что мы не доросли. Расти и узнаешь.

– Так, на часах двадцать три, – сказал староста. – Всем спать. Завтра едем на прополку бурака, а там ряды... километрами исчисляются.

* * *

Каждое слово, каждое движение этой девочки носило в себе особую прелесть. Он больше не о чём не думал, только о ней, и считал себя счастливым обладателем. С тех пор, как он увидел её, всё вокруг стало таким прекрасным – ярким и сияющим. В лёгком налёте азиатской крови было нечто завораживающее. Невозможно было оставаться равнодушным, встречаясь с её взглядом – он манил, он уводил из реальной жизни в миры непознанные и загадочные. Он заставлял волноваться, и частое биение сердца оповещало об упоении предвкушения встречи с невероятным. Стоило ему только коснуться её руки, как его тут же охватывала дрожь. Ему хотелось обнимать её, целовать, но он робел. Ната внушала ему то глубокое и чистое чувство, ту истинную любовь, которая возвышала душу и торжествовала над плотским вожделением. Она сама, того не ведая, готовила его душу к жертве, очищая и зажигая в ней пламя той высокой страсти, которая приводит к самоотречению.

Девочек увезли с поля раньше – у них был «банный день». Вернувшись с полевых работ, Володя узнал, что Ната пошла к реке. У них было там «заветное» место, где он соорудил земляную скамейку, вертикально обрубив лопатой пологий склон и разровняв площадку для ног. Но Наты на скамейке не было.

Воспользовавшись отсутствием мужской части их полевой бригады, Ната ушла к реке: душа просила свидания с Небом, так называла она то, что происходило с ней с детства. Сентябрьское солнце, растратив за лето свой жар, краснея, скатывалось к горизонту в прикрытый синеватой дымкой край полей, раскинувшихся на много километров за речкой. Обычно это желание появлялась, когда она бывала на природе. Ей хотелось лечь на землю спиной и, положив руки вдоль туловища, прижать ладони к земле. Просто ей так хотелось, а ладони аж чесались, просили прикосновения с землей. Откуда она знала, что надо так делать – лечь на спину, протягивать руки вдоль туловища, ладонями вниз? Стоило ей это сделать, как сразу же ключи, исходящие из земли, толкались ей в ладони и разливались по всему телу. Было и удивительно, и приятно. Это не зависело от времени суток и времени года. Такое происходило с ней и ночью под звёздным небом, и днём – под небом, залитым сияющими лучами солнца. Она не понимала, что с нею происходит, и не могла этого объяснить, как не могла объяснить и другого: несколько раз в году она спала по трое суток кряду, просыпаясь только покушать и для естественных нужд. Она просто следовала своему желанию.

Ната закрыла глаза, и умиротворение овладело ею. Что-то происходило внутри неё, от чего становилось легко и спокойно. Ей не просто нравились такие минуты и ощущения в них,

она ещё знала, что они необходимы ей, только не знала зачем. Ей достаточно было ощущений. В такие минуты Небо, опрокинувшись, опускалось на Землю, и сливалось с ней воедино. И Ната принадлежала сразу и Земле, и Небу. И ей казалось, что лицо, грудь, живот – вся верхняя её половина принадлежит небу, а нижняя – земле. Она ощущала неразрывную связь с ними, она растворялась в них, она была и небом, и землёй, и была причастна ко всему, что происходило на земле и на небе. Чувствовала, как тёплые потоки благодати, вливаясь в неё, увлекают и её саму в себя. Она познавала себя, как бы изнутри. И то, что было внутри, было намного важнее того, что было вне её. Всё, что вне – казалось таким мелочным и пустым, а всё, что внутри – значимым, наполненным тайным смыслом, который обязательно надо разгадать и сделать это тайное явным. И она пыталась это сделать. Она следовала по запутанным лабиринтам познания, и всё наносное, вся шелуха отделялась от неё, и оставалось только огромное, светлое, блаженное. И так ей становилось легко и хорошо. Ею овладевало ощущение свободы и умиротворения и не хотелось возвращаться в своё обычное состояние.

Она отдавалась Небу и Земле безраздельно, а они что-то творили с ней. Внутри пульсировали тёплые потоки, омывая внутренности и, как бы обновляя их. Она становилась другой, но какой другой, не понимала и словами выразить не могла, довольствовалась только чувствами. Да, ей и не надо было слов, потому что знала, что об этом нельзя никому рассказывать. Ната никогда не замечала, сколько времени так лежала, потому что не могла даже пошелухнуться, даже попробовать Небо на ощупь, ведь оно лежало на ней. Невидимая, но присутствующая сила ей запрещала это делать: ладони должны были быть прижаты к Земле. Она только чувствовала нежность неба, лежащего на ней, вливающего в её солнечное сплетение нечто необыкновенно радостное, Неба, впустившего её в себя. Верхняя её половина принадлежала небу, нижняя – Земле, но она не ощущала раздвоения, всё это было единым целым.

Что-то кипело, бурлило, пронизывало её, вызывая ощущение радости и торжества. Если разделить лежащего человека горизонтальной плоскостью по оси симметрии, то получатся две равные части: нижняя и верхняя. Нижняя её часть погружается в мягкую и податливую, как перина, землю. Лежа на Земле, она чувствует её дыхание. Не слышит, как обычно его слышат ушами, а чувствует через энергетический поток, который в неё вливается, чеканя ритм. Он вливается столбом света, концентрируясь в солнечном сплетении, поднимаясь в небо. Она старается и своё дыхание отрегулировать в унисон с дыханием Земли, а в это время Небо опускается всё ниже, вбирая в себя её верхнюю половину, соединяясь с землёй. Так она принадлежит одновременно и Земле, и Небу. Несмотря на то, что небо лежит на ней, эти светящиеся столбы уходят далеко ввысь, и она знает, что они поддерживают Небо, то основное небо, которое осталось там вверху. И, вот уже дыхание Земли, её дыхание и дыхание Неба, соединившись в едином ритме, вливаются в гармонический поток Вселенной. Но она не улетает ввысь, а плотно прижимается к земле, погружаясь в неё, ощущая её податливую мягкость, обволакивающую покоем и любовью. В то время как энергия заполняет каждую клеточку тела, струится по косточкам, обновляя их и настраивая на нужный космический лад, она блаженствует. Блаженствует оттого, что всё её существо наливается необыкновенной силой, заполняется живительными соками, восстанавливая ощущение его целостности и новизны, утверждая торжество жизни. Она становится другой, лучше, чем была, в этом она уверена. Лучше потому, что нельзя быть плохой и не достойной тех даров, которые преподносит ей Земля. Земля, которой много-много миллиардов лет, выбрала её, ей помогает, её наливает своими соками. Она ощущает, как под ней кипит огромный шар, наполненный энергией, как гудит от той мощи, которая наполняет его. И частичка этой силы, этой мощи вливается в неё, смешиваясь с энергией Неба, с дарами планет, связанных с ней по жизни. Она чувствует, как энергия Неба, идущая к Земле, пронизывает и её, как окружает её безграничное мироздание, уходящее своей чернотой в необъятное пространство, заполненное звёздами, туманностями, планетами и энергией. Энергией, которая пульсирует, как пульсирует её сердце, слившееся с вселенской мощью. Со

всех сторон к ней тянутся волнообразные токи, и она благодарная принимает их. Углубляясь в себя, осознавая себя другой и понимая, насколько она, как и все люди планеты, зависит от Земли, Неба, планет и всего окружающего, пребывает в блаженстве и умиротворении и... в благодарности. Она принимает заботу и любовь всего окружающего и посылает свою любовь им, ощущая свою значимость в этом мире и взаимную любовь.

Через какое-то время толчки становятся слабее, потоки замедляют свой бег, и совсем прекращаются. Небо поднимается вверх, и Ната знает, что теперь она может открыть глаза и пошевелиться. Действительно, разноцветное закатное небо пылало вверху яркими красками, упираясь скатом в горизонт. Пространство вернулось в свои земные рамки. У берега плескалась вода, и поодаль шелестел камыш. А ведь минуту назад она не слышала этих звуков, как будто и не здесь была. А где тогда? Такое она обнаружила впервые, и теперь эта загадка будет мучить её.

Ната осмотрелась. На их «скамеечке» сидел Володя. Она подошла и села рядом.

– Давно сидишь?

– Минут десять. Я сначала подумал, что ты спишь, но когда подошёл ближе, усомнился в этом.

– Почему?

– У тебя было такое лицо... как бы тебе это объяснить... не твоё.

– Как это не моё?

– Ну, не совсем похожее на тебя... ты была другая, необычная, хотя ты всегда необычная, но эта необычность другая.

– Ты совсем запутался в этой другой необычности, а обычными словами ты это можешь выразить?

– Попробую: на твоём лице было написано блаженство самой высокой степени, неземной, я думаю.

– Почему?

– Потому что на земле такого ни у кого не видел, а может, просто не предполагал. Не знаю почему, но я решил, что это небесное блаженство. Если это был сон, то что же такое тебе снилось?

И Ната не смогла ему соврать, что-то придумать. Доселе никому не рассказывала, да у неё никто и не спрашивал, даже те, кто был свидетелем её отлучения из земного мира, так она считала эти свидания. Он правильно всё понял и заслуживает правды.

– Это был не сон.

– Тогда что? Ты побывала в другом мире?

– Может быть, я этого точно тебе сказать не могу, но со мной что-то происходило такое, что не происходит каждый день. Из земли толчками пробивалось тепло, словно роднички, и расплывалось по всему телу. Потоки входили в меня и выходили, переделывая меня.

– Как «переделывая»?

– Как, не знаю, знаю, что к лучшему.

– А что ты при этом ощущала?

– Токи курсировали внутри меня, и я становилась сильной и смелой, уверенной в себе... другой, и по качеству, а по силе, вернее по показателям, если можно так выразиться.

– Ты была в небе?

– Нет. Небо лежало на мне.

– ?

Глядя на его выражение лица, подумала, что, если бы Володя лежал на ней, то было бы тоже такое ощущение. Может быть, они даже оба в эту минуту подумали об этом. Ничего подобного она не ощущала с Глебом. Да Глебу, она никогда и не рассказывала об этом, а Володе

доверилась... чувствовала, что он такой же чистый и нежный, как небо, такой же понимающий и любящий, как только что её любило небо.

После некоторого молчания Володя сказал:

– В первые минуты нашей встречи я почувствовал, как через тебя из Земли ко мне пошло тепло и встретилось с моим теплом. Я ещё тогда подумал, что это Земля меня благословила на наш союз, и мысленно сказал: «Ещё бы и Небо».

– У нас с тобой связь с Землёй и Небом, поэтому мы понимаем друг друга и у нас много общего.

– А мальчик твой знает об этом?

– Нет. Он меня никогда не видел в такие минуты. А почему ты спрашиваешь?

– Хочу понять, что тебе в нём нравится.

– Зачем?

– Чтобы быть лучше его.

– Ты и так лучше его.

Глаза его блеснули радостью. Он наклонился и стал целовать маленькие нежные её ладони, такие маленькие, что казалось, они принадлежали ещё подростку. Закат уже успел окрасить небо в пастельные тона, навивая приятные мысли и ощущения, которые испытывали они, после этого разговора. Опьянённые своим счастьем, пусть и недолгим, молчали. Они понимали друг друга, и слова здесь вовсе были неуместны. Ната думала о том, что сейчас, пожелай он её, она бы отдалась ему, если бы... если бы до этого не было Глеба. И она уверена, что с Володей это было бы так, как свидание с Небом...

– Молодожёны, на ужин, – позвала Люба.

Глава 3

Ночью ей приснилось продолжение их беседы. Они так же сидели на своей «скамеечке». Каждый думал о своём, а оба – об одном и том же. Володя целовал ладони с нарастающей страстью. Его дыхание становилось всё чаще и всё горячее, опалая кожу ладоней. Обуреваемый нахлынувшими чувствами, он встал, обняв Нату за талию, помог подняться, и увлёк за собой. Тропинка вилась вдоль берега реки по лугу, поросшему высокими травами и яркими цветами. Ослепительно блистало солнце на безупречной голубизне неба и щедро заливало окрестности ласковым, нежгучим золотом лучей. Володя всё крепче прижимал её к себе, и она не отстранялась.

– Какая же ты миниатюрная и прелестная! Какие же упругие твои бёдра!

Он повернул её лицом к себе и обнял, прижавшись.

– Я чувствую твои твёрдые соски. Как может мягкое тело стать таким твёрдым? Я хочу их видеть! Можно? – заглядывая в глаза, спрашивал и уже расстёгивал пуговицы на рубашке.

Ната не сопротивлялась, потому что сама хотела, чтобы он увидел какое у неё красивое тело. Она просто горела этим желанием: сегодня ему всё можно, всё, что захочет. Расстегнув пуговицы до талии, спустил плечи рубашки, высвободив груди. Откинув голову немного в сторону и назад, смотрел, как бы смотрел на поразивший его шедевр скульптуры.

– Я видел на картинах женскую грудь, но она была чужой и холодной. От твоей исходит такое волшебное тепло и сияние, что я задыхаюсь. Какая же ты сияющая, сияющая обаянием и любовью... любимая... какие упругие круглые чаши, налитые молоком девственности. Они набухли от тяжести, и ждут прикосновения нежных губ младенца. Но первым буду я, так устроен мир: без меня не будет младенца. А какие соски?! Слово созданы для того, чтобы младенцу было удобно к ним прикладываться. Мне хочется попробовать... можно?

– Да, – скорее простонала, чем сказала Ната.

Он соединил их вместе и обнял губами. Оба молчали, и только учащённое дыхание нарушало тишину.

– Представляю, какое наслаждение будет испытывать наш малыш, попивая молоко из этих бездонных чаш.

Он взял её на руки и понёс вверх по лугу к небольшой рожице на взгорье. Ната чувствовала, что сегодня произойдёт самое главное событие в её жизни – она познает силу любви. Это событие проведёт черту в её жизни на «до» и «после», и она согласна, она готова и никогда об этом не пожалеет. Он положил её на шелковистый красочный ковёр, сотканный из стебельков разнотравья и ярких цветов.

– Тот, кто оттачивал твоё тело, был в тебя безумно влюблён. Только влюблённый мог создать такое совершенство. Он ещё и искусно владел резцом. Думал ли он в те минуты, что от созерцания его создания, будет наслаждаться и хмелеть совсем другой?! А как безупречно высечена твоя талия! – приговаривал Володя, нежно прикасаясь пучками пальцев к коже. – Как же искусно, плавно изгибая, он завершил линии живота, сопрягая их с линией бёдер и прикрывая густой дубравкой. А за дубравкой... да здесь целый тайный мир! Я раскрываю створки в твой тайник, и поражаюсь: перед моим взором встаёт маленькая сопка с жерлом вулканчика. А он извергается, не знаешь?

– Не знаю, – шепчет, чуть дыша, захмелевшая от его исследований Ната, медленно двигая пересохшими губами.

– Ну, да! Откуда тебе знать, я же первый, – и он, прикасаясь пальцем, слегка надавливает на «жерло вулканчика». Сопка напряглась. – А она увеличивается? Тебе не больно?

И, не ожидая ответа, обнимает её губами и втягивает, упираясь языком в «жерло».

– О-о-о-о! – роняет стон Ната.

Он ощущает, как напрягается её тело, поднимаясь ему навстречу, но он ещё не всё обследовал: он должен всё узнать, всё, чем овладеет и что станет его достоянием.

– Надо знать все складочки, все бугорки и впадинки, – и он продолжает обследование. – А за сопкой ещё маленькие внутренние, как лепестки розового лотоса, створки, скрывающие самое сокровенное. Как же всё волшебное и загадочно! Творец создал всё это, чтобы свести меня с ума! Они манят меня своей тайной! Я хочу узнать её, я хочу раскрыть эти розовые лепестки, и я уверен, что мне откроется легенда, легенда, которой ещё не знал мир!

И, когда Ната в полузабытьи с затуманенным хмелем страсти взглядом, тянулась к нему, Адик заорал: «Подъём!»

Проснувшись, подумала: «Кто и зачем сделал всё так, чтобы я вышла замуж за Глеба, навсегда перекрыв мне путь к Володе? О такой первой ночи с любимым я мечтала, но она никогда не осуществится, потому что была уже первая – не с любимым и не такая». Надев майку и брюки, направилась к умывальнику. И, как всегда, Клёсов, уже был тут, как тут, но не таким как во сне. А ей не хотелось терять того, кто несколько минут назад боготворил её, потому что такого его больше никогда не будет.

– Ты где-то была?

– Когда?

– Утром... или ночью, – добавил он.

– Так утро только начинается. А в чём, собственно, вопрос?

– У тебя такие глаза... как вчера на речке были... и даже красивее...

– А-а-а! Мне сон хороший снился.

– Расскажешь, – то ли спрашивал, то ли утверждал Володя.

– Даже не знаю...

– Что так?

– Совершенно секретно.

– Я же не отстану... всё равно расскажешь.

Они разошлись по своим комнатам, готовиться к завтраку.

* * *

Несколько дней спустя, в воскресенье, сразу после завтрака Ната и Володя решили отправиться на прогулку в лес, так давно манившего их своим очарованием. Они шли в лучах робкого осеннего утреннего солнца, выглянувшего из-за вершин леса, и наслаждались прозрачным, усыпанным золотой пылью, тёплым воздухом. Около часа ходьбы, и они попали в волшебный край. Вошли под кроны деревьев, и лес осыпал их жемчугами, рубинами и изумрудами. С листьев падала роса, застревая алмазами на серебряных лёгких нитях паутины. Вокруг был мир трепещущий и хрупкий, прекрасный и уязвимый, прозрачно-хрустальный, блистающий и блещущий. Володе не давал покоя её рассказ о свидании с небом и о сне, который в её глазах поселил такую необыкновенную красоту. Было непривычно тихо... Казалось, что на всей Земле они только вдвоём, и это их мир, мир наполненный синевой неба, золотом лучей, пронизывающих кроны и ярким разноцветьем листьев, устилавшим пушистым ковром их путь.

– Какую же красоту нам дарит Господь! Как можно, живя в такой красоте, быть злым, подлым и мстительным? – вслух размышляла Ната.

– К сожалению, таких немало. Слава Богу, что мы не такие. А ведь я впервые сказал: «Слава Богу!» Это ты меня научила понимать, что всё – от Бога, научила благодарить Его.

– А как же иначе! Без Него не было бы и нас, и не встретились бы мы, и не шли бы сейчас в такой красоте. Это Боженька специально для нас послал такое утро, чтобы мы могли насладиться наши души красотой и любовью к природе. Что ты так смотришь на меня?

– У тебя всегда красивые глаза, но такие, какими они были в то утро, когда тебе приснился «секретный» сон, больше никогда не видел.

– Потому что больше никогда он мне не снился.

– А сейчас... они немного такие... ты наслаждалась в том сне? Да? Чем? Ну, скажи, чем?

– Не могу... не проси...

– Ты в этом сне была со мной?

Ната молчала, раздумывала, как лучше сказать: она не хотела рассказывать подробности, но и как выразить намёком, не могла придумать.

– Что же это за такой сон, который ставит тебя в такое затруднение?

– Но, если понимаешь, зачем допытываешься?

– Потому, что чувствую, в этом сне был я с тобой.

– Ну, был.

– И что я такое делал? Что я делал? – упорствовал Володя.

– Любил меня.

– Как? У него перехватило дыхание. – Как взрослые?

– Как все... мысленно.

Услышав «как все», испугался, потому что он мало в этом смыслит и толком не знает, как это делается, и только следующее «мысленно» немного успокоило его.

– Мысленно, – произнёс он задумчиво. – Просто любил в мыслях, и тебе этого было достаточно?

– В мыслях и словах.

– Но я всё время разговариваю с тобой, и в каждом моём слове звучит любовь к тебе.

А что же то были за такие слова?

– Не допытывайся! Больше тебе ничего не скажу. Сам догадывайся.

– Не знаю, догадаюсь ли. А давай, как в детской игре: я буду говорить слова, а ты, если они близки к истине, говори «горячо» или «холодно». Может быть, у меня получится, и я опять увижу те необыкновенные глаза. Я так хочу их увидеть.

Почему она всегда, услышав что-то хорошее от Володи, сразу вспоминает Глеба и сравнивает. Вот и сейчас: Глеба никогда не интересовали её глаза, и, что они красивые, она впервые услышала от Володи. И Глебу никогда не хотелось их видеть красивыми, а Володе хочется, очень хочется, и это она видит по его состоянию. Но он затеял рискованную игру, и она не знала, соглашаться или нет. Если он будет произносить те слова, которые произносил во сне, ей будет приятно их слышать, но и стыдно, ведь там он её раздевал. Позволить ему сейчас раздеть её даже мысленно, она не может.

– Почему ты молчишь? Чего ты боишься? Ведь это только слова!

– Твои вопросы подсказывают мне, что ты уже догадался, о чём идёт речь.

– Если это так, я очень рад.

– А я – не рада. Так не честно.

– Я в мыслях сто раз тебя видел голенькой, а на речке, когда ты делала мостик, даже видел кое-что воочию.

– Что? – испуганно спросила Ната.

– Две чаши с торчащими из них шипами...та-а-кими крупными с тёмными кругами вокруг... А на правой снизу большая коричневая родинка.

– Володя, перестань. Плохо подглядывать.

– Я же не в щёлочку подглядывал, а полки рубашки раздвинулись, и они сами показались.

Он резко повернулся, и заглянул в глаза. Счастливая улыбка осветила его лицо.

– Можешь не говорить «горячо», я по глазам вижу, что попал, может быть, не в самую «десятку», но где-то близко. И не красней, я часто вспоминаю твою акробатику. Но тогда ты была одетой. Но и в одежде ты была неотразимой. Тот, кому поручили ваять твоё тело, был

безумно в тебя влюблён и боготворил тебя. Только с огромной любовью можно вытачивать такие совершенные линии, вложив в свой шедевр всю силу чувства.

Ната оторопела: он повторял те же слова, что говорил во сне.

– И остановись на этом, прошу тебя или я уйду.

– Я догадался, и могу на этом остановиться. Главное, что у тебя опять такие же глаза, как в то утро. Но ведь я только начал. Неужели, если я буду продолжать, они станут ещё красивее?

– Красоте нет предела, но поговорим об этом позже, когда я разберусь со своим мальчиком.

Володя тяжело вздохнул: опять этот мальчик встаёт на его пути. Как бы ему хотелось, чтобы его вовсе не было. Нет, конечно, пусть он будет, но только не мальчиком Наты.

Они бродили по просекам и пробирались сквозь заросли. В смене шорохов, что наполняли лес, чудилась приветливая встреча гостей, желание сказать, как долго ждал их, подсказывая тайные экзотические тропинки. Этот шёпот струился меж веток и стволов, и окутывал их вместе с золотистой пеленою солнечного света. Какое-то время шли молча, боясь нарушить лесное очарование, внимая лесным шорохам, тронутым осенней грустью. Терпкий аромат склонившихся до земли ветвей до краёв наполнял их сердца целомудренной негой. Володя не искал тела, он искал нежности, и нежность, исходящая непостижимыми волнами от её тела, и нежность её взгляда затапливала всё его существо. Он думал о том, что не раз мечтал вот так остаться с нею наедине, не опасаясь, что увидят, держать за руку, иногда, будто невзначай, прикасаться плечом, утопая в коконе её чувств. Сколько раз он рисовал себе различные сюжеты приключений. То он спешил за нею вслед в чужие страны, чтобы инкогнито следовать за стуком её каблучков, вслушиваясь в шорох юбки, вторящей пляску бёдер. Наивная душа и молодая кровь питали его воображение, порождая безумные надежды. То он, благородный викинг спасал её, вырывая из рук пиратов, и охранял от опасностей и бед. Так они блуждали по лесу, думая о своём. Володя впервые понял, что есть глубокая пьянящая отрада без цели, наугад бродить, любить простор и полной грудью вдыхать прозрачный воздух. С полей доносился терпкий дух сена, слегка кружил голову, призывая ринуться в непознанные дальние дали.

Ната засмотрелась на совсем уже бурый каштан:

– Почему он раньше всех меняет окраску листьев, теряет сок и засыпает?

– Платит дань за красоту своих свечей, – предположил Володя и посмотрел ей в глаза.

В её взгляде отражался далёкий мир, невиданный, но ощущаемый простор. Он замер очарованный, безгласный. Что нового он мог сказать? Что вообще можно сказать в такие минуты. Он не находит слов, он не знает, как объяснить власть над ним её взгляда, как объяснить его волшебное воздействие, уносящее его в её далёкие миры, лишь смутно угадываемые интуицией. Как объяснить, что сейчас ему хочется взмахнуть крыльями, и с радостным кличем унести в пространство миров, которыми она грезит, подняться вместе с ней в заоблачные высоты, как хочется ему гореть вечным пламенем любви в её сердце?

– Я думаю о бесконечности природы. Приходят поколения людей и уходят, а лес поле, горы, реки, моря остаются. Они, конечно, изменяются, но настолько медленно, что человек не замечает, и думает, что они всегда такими были.

– Если взять человечество в целом, то оно тоже остаётся: одни умирают, другие рождаются. И в лесу одни деревья умирают, другие вырастают на их место, а лес как был лесом, так и остаётся. Человек и природа живут по одному закону.

– Я часто вспоминаю бабушкины слова: «Если к тебе зимой прилетит мошка, не убивай её – это чья-то душа к тебе прилетела». Значит, у человека остаётся душа, и она превращается в мошку. Почему в мошку, а не в красивую бабочку или экзотическую птицу?

– Не у всех души красивые, бывают и безобразные, вот и выбрал для них Творец неприглядный образ. Интересно, от чего зависит красота души? Она сразу даётся или человек сам воспитывает в себе эту красоту?

– Я сужу по себе: мне, в какой-то мере, она была дана до рождения, если считать, что красота души – это понимание красоты природы. И родители определяются до рождения. В детстве меня мучил вопрос: «А как получилось, что я родилась у папы с мамой, а не у соседей?» Меня очень пугала мысль, что я могла родиться у соседей, родителей моей подружки. Тогда бы у меня не было моей любимой бабушки, и дом был бы беднее обставлен, и они сами грубее и менее культурные. Я благодарила Бога, что он мне дал моих родителей, особенно папу – я его очень люблю.

– Одни уходят, другие рождаются, и это бесконечно. Бесконечен мир и бесконечно познание. Интересно, куда оно простирается?

– А что, если знания не только в тех книгах, по которым мы учимся, а оно вокруг нас? Ведь то, что в книжках, человек брал из природы. Надо только уметь их читать, а как этому научиться? Может, это происходит через любовь? Я люблю солнце, разговариваю с ним, понимаю, что оно живое, что оно слышит и понимает меня, как слышу я его. Ну, не звуки, конечно, слышу ушами, а чем-то внутри – душой или сердцем или и тем, и другим вместе. Я люблю деревья травы, цветы и тоже с ними разговариваю. А они мне показывают, какие у них листики, стебельки, цветочки. У ромашки никогда не вырастают листики розы, нет у неё и шипов. Ромашка никогда не будет иметь розовые или красные лепестки. Это же всё подчинено закону, как мы учили по ботанике, закону наследственности. Но что-то мы выучили из ботаники, а что-то увидели в жизни, подметили закономерности. Мы учим теоремы в школе, их доказательства. Подозреваю, что учёные их взяли не из головы, не сами пришли к выводам, а им природа подсказала. Они наблюдали природу, и в результате наблюдений, сделали выводы. А нам сейчас геометрию преподносят, как отвлечённую науку. Я думаю, что эти геометрические теоремы – теоремы жизни.

– Ты правильно думаешь, и это подтверждает выражение «Пифагоровы штаны во все стороны равны». Я только сейчас об этом подумал. Помнишь эту теорему?

– Да, для равнобедренного прямоугольного треугольника: сумма квадратов длин катетов равна квадрату длины гипотенузы.

– Этими «штанами» нам показана связь между, якобы отвлечённой, математикой и жизнью, дана проекция на земное наше бытие. Почему же учителя нам преподносили математику, как голую науку, оторванную от естественных процессов?

– Потому что программа обучения составлена людьми далёкими от понимания этого.

– Но ведь, это же наши учителя?!

– Но не всякому учителю дано то, что дано ученику, по себе знаю. Я учителей любила и уважала, но это мне не мешало понимать, что они ограниченные люди, заикленные только на своём предмете. Со мной происходят вещи, которые ни в школьных программах, ни в медицинских учебниках не прописаны, но это реальность... они же со мной происходят, я же их не придумываю, да у меня бы и фантазии на такое не хватило.

– Расскажи!

– Не сегодня, может, со временем. Я о другом, о том, что то, что со мною происходит, даёт мне знание, что такое бывает. Эти знания ко мне приходят и наяву, и во сне. Как-то снилось мне, что я разговариваю с красным маком. У него были надорваны два лепестка. Я стала жалеть его и сокрушаться, как ему больно. А он отвечал мне движением лепестков, слегка колыхая ими. От них исходили слова, похожие на сгущённый воздух. Когда эта волна касалась меня, я слышала звуки, собранные в слова, но, опять же, не ушами слышала. Он жаловался, что ему больно, а я уговаривала потерпеть, потому что любая рана заживает – так устроен мир. Поэтому, я стараюсь не рвать цветы зря, а только, когда очень нужно. В остальных случаях только люблюсь ими. А когда очень надо, прошу прощения, объясняю, что они принесут радость в другом месте, где их оценят, будут любить, поставят в воду и они утолят свою жажду.

– Нечто такое ощущал и я, но не делал таких конкретных выводов. И мне не снились такие, сны, а может быть, и снились, только я их забывал, как незначительные. Для мальчишек же интересно жаркие сражения, опасные путешествия, героические подвиги. Я и любовь всегда в книжках пропускал, а теперь она поймала меня в свои крепкие объятия.

– А я влюбчивая с детства. Первую свою любовь помню, когда мне было пять лет. Может быть, и раньше были, но я не помню. Мы тогда жили на Петровке и этот мальчик был нашим соседом... такой же маленький, как я. Когда переехали к бабушке на Пионерскую, там были в основном одни мальчишки на нашем квартале. Все моего и около моего возраста – выбирай, кого хочу!

– И кого же ты выбрала?

– Самого хулиганистого из самой бедной семьи.

– Это на тебя похоже. А вы богато жили?

– По теперешним меркам – нет, но тогда, сразу после войны были богаче всех на улице, потому что у нас было пианино. Вторые по богатству были Никулины – у них трюмо было. У нас, правда, трельяж был, но он меньше трюмо.

– Трюмо встречал, знаю, а трельяж... что это такое?

– Это небольшое зеркало из трёх частей, складывается как книжка. Одна часть большая, а две другие – в половину меньше, крепятся к ней с двух сторон на петлях. Высота нашего была около метра. Когда он стоит, то похож на букву «П», если смотреть сверху, так сказать, вид сверху. Смотришь в него и видишь анфас и сразу два профиля. Причёску хорошо контролировать. Я перед ним заплеталась, когда в школу ходила.

– Интересно. Я такого зеркала не видел. А пианино зачем? В вашей семье есть музыканты?

– Нет. Профессиональных нет. Папа имеет хороший слух, подбирает всё, особенно любит арии из оперетт. А на пианино я ж училась играть, окончила музыкальную семилетку.

– Поиграешь в Донецке? Очень хочу послушать!

– Если будет где-то пианино. В ушах у меня слуха нет, но я его чуть-чуть развила, занимаясь музыкой. Но я слышу музыку через чувства.

– Как это?

– Каждая мелодия вызывает определённое настроение: радость, тоску, размышление, и они выражаются чувствами. Это музыка природы, музыка окружающего пространства. Ведь ты никогда не будешь чувствовать тоску весной, любуясь буйным цветением сада. Ты будешь чувствовать радость, и, может, даже счастье, наблюдая такое красивое пробуждение жизни. Я это слабо слышу, а композиторы, наверное, отчётливо, потому что смогли переложить на ноты.

– Когда ты в Донецке, возле корпуса сказала: «Знакомиться будем по ходу жизни», я подумал, что ты взбалмошная строптивая девчонка, и даже не предполагал, что ты столько всего знаешь.

– А что я должна была сказать? Как я могла со всеми сразу познакомиться? Да и времени мало было, вот-вот нас должны были позвать на посадку. А когда мы сели в машину, я Любу попросила назвать мне имена и фамилии. Она ещё удивилась, что я всех запомнила, проверяла меня. А тебя в машине не было. Ты приехал отдельно?

– Нет, я ехал в этой машине и спал за спинами ребят, поэтому ты меня и не видела.

– Значит, наша встреча у машины не была для тебя первой? Ты меня видел возле корпуса?!

– В пол глаза видел, в пол уха слышал, потому что глаза слипались после бессонной ночи. Но ты сразу вызвала у меня приятно-тревожное состояние, поэтому я и остался возле машины, хотел тебя поближе увидеть, прикоснуться к тебе. И я прикоснулся не только к тебе, но и к твоему интересному и красивому миру.

– Да, для меня нет в природе ужасов. В природе всё красиво.

– И даже землетрясение, извержение вулкана.

– Если это происходит, то происходит естественно, и, если смотреть со стороны, то не страшно и красиво. Красиво разливается огненная лава, но мы её боимся. Также разливается манная каша в сказке, но мы её не боимся, потому что она не угрожает нашей жизни. Значит, то, что не угрожает нашей жизни, может быть красивым, а когда оно угрожает нашей жизни, то – ужасно. Или пропасть, мы её боимся, потому что, упав в неё, разобьёмся. Нас страшит её глубина и мрак. Но вот мы спустились благополучно на дно, и перед нами открывается красивая картина. Мрачный колодец, окаймлённый складками гор, похожими на меха гармошки, заросшими зеленью вперемешку с выступами голых скальных пород разной окраски, светлеет по мере того, как взгляд наш поднимается кверху. А там... золотистое свечение солнечных лучей, пробивающихся в расщелину. Разве это не красота? Так чего нам бояться пропасти? Только потому, что можем в ней погибнуть, но от этого она не теряет свою природную красоту.

– Ты что, спускалась в пропасть?

– Нет.

– А откуда же такое представление?

– На первом курсе я училась на горном факультете по специальности шахтостроение, учила минералогию, кристаллографию, геологию. На экзамене мы должны были по виду минерала говорить его название и многое другое. А насчёт колодца – это воображение.

– Боже, а ты ещё и поэт? Ты должна писать стихи. А может, и пишешь?

Ната промолчала о своих литературных пробах.

– В природе всё поэтично и вся природа поэтична.

И небеса по серым скатам
То золотом зари горят,
То блещут пурпурным закатом
И лёд вершинный багрянят,

– это написал Валерий Брюсов. И ещё в этом же стихотворении то, о чём я говорила:

Везде торжественно и чудно,
Везде – сиянья красоты
Весной стоцветно-изумрудной,
Зимой – в раздольях пустоты.

Володя, поражённый знаниями Наты, образом её мышления, не знал, что и сказать, и только проронил: «Как же мне повезло, что я встретил тебя». Околдованный тайными знаниями, их разговором, упоённый своей любовью к такой необычной девочке и опьянённый лесными запахами, шёл, как во сне, чудесном прекрасном сне. Узкие тропы, извиваясь, прокладывали путь сквозь чащобы, где деревья одевали лес в неподвижный полумрак. Сплетались нежно руки, перекликались взоры, и на юных щеках алела радость. Рассеивалась мгла, и они выходили на просеку, вырвавшись из цепких объятий ветвей, окаймляющих тропинку и подслушивающих страсть их взволнованных речей.

– При всех твоих превосходствах, в тебе нет надменности. Это удивительно хорошо. Я даже и не мечтал, что встречу такую девочку. Обычно девчонки заносчивы, хвастливы, стараются выпячивать свои достоинства, да так неумело и глупо, что это вызывает обратное действие. В тебе недостатков нет.

– Не может такого быть. Ты мало ещё меня знаешь. У каждого человека есть недостатки, которые он должен искоренять – поищи получше. Я, например, резкая, вспыльчивая. Не зря же моя бабушка говорила, что кому-то снятся кислицы.

– Мне не снились.

– Значит, не тебе они предназначены.

– Не пугай меня. Может быть, ещё приснятся. Вот у Скредовой на лице написано, что она считает себя лучше всех – к ней и подходить не хочется.

– А у меня, что на лице написано?

– Достоинство. Но ты его не выпячиваешь, оно проявляется помимо твоей воли, и всем видно, что ты не такая, как все, хотя в общении с другими стараешься быть такой, как и они.

– Как ты всё запутал. Но если стараюсь быть «как все», то, как же проявляется моя «некаквсейность»?

– Исподволь... в словах, в жестах, мимике, но видно, что это не наигранное, не напускное, что не ты так делаешь, а она сама.

– Кто «она»?

– Твоя «некаквсейность». Вот и сейчас: ты не просто гуляешь по лесу, ты наслаждаешься, ты любишь его, ты источаешь свою любовь. Я её чувствую, вязкую, тёплую... она исходит от тебя медвяным потоком на деревья, кусты, траву, на землю. И лес тебя любит. Я это чувствую, правда, я не придумываю. Я никогда такого ни у кого не наблюдал. Поэтому мне и хорошо с тобой на природе, поэтому я и стараюсь хоть час побыть с тобой в поле, у речки, в лесу. Природа тебе отвечает на твою любовь, поэтому и создаётся такая атмосфера блаженства и умиротворения. Я вижу золотинки в твоих глазах – это солнышко тебе насыпало свою любовь, ветки к тебе тянутся, чтобы погладить тебя, каждый кустик старается прильнуть к твоим ногам, каждая травинка поцеловать твои ступни и насытится поцелуем.

– Удивительно!

– Что удивительно?

– Ты чувствуешь то же, что и я. Со мной разговаривает каждый листик. Люди думают, что природа безмолвна, если она, конечно, не журчит, не гремит и, вообще, не шумит. Природа разговаривает и с нами, и между собой. Её только надо хотеть услышать, но услышать не ушами, а сердцем. Свою любовь к нам она посылает не в уши, а в сердце.

– Я никогда не думал об этом, хотя тоже любил бывать на природе, но таких полных ощущений, которые я испытываю, когда мы гуляем вместе, не было.

– Потому что сейчас твоё сердце открыто для голоса природы, вот ты её и лучше слышишь... и душа твоя радуется, и тебе хорошо. Я выросла в саду, и с детства разговаривала с деревьями и цветами, с солнцем, с облаками. Для меня это обычно. Я даже не думала, что у других такого не бывает. Впервые от тебя услышала, хотя примерно что-то поняла чуть раньше.

– «Чуть раньше»... интересно с кем и как?

– Я не хочу это обсуждать.

– Это связано с твоим мальчиком?

– Я же сказала: «Не хочу это обсуждать», – повторила медленно и членораздельно.

– Понятно.

Он понял, что не всё ладно в «датском королевстве», и это его обрадовало. Он, конечно, понимал, что это в высшей мере эгоистично, но это шанс, что Ната «разберётся» с мальчиком в его пользу. У них здесь полная гармония.

Иногда она останавливалась, любуясь:

– Смотри, какая крона, как буйная кудрявая головушка... отчаянная головушка этот клён. У него и характер такой, как крона. А где же его любимая? Женщины любят отчаянных, способных на подвиг мужчин. Вот и рябина – который год пытается к дубу перебраться, к такому же статному и кудрявому.

Как ни хорошо было в лесу, но надо было идти на обед. Они вышли на дорогу, идущую вдоль леса. Сюда долетал полевой запах и, смешиваясь с запахом леса, благоухал. Так и шли

в облаке струящегося запаха трав, сена и цветов. Осенний воздух плыл как нежное дыхание. Они полной грудью вдыхали этот природный дар, зная, что в городе они такого не найдут.

– Надышаться бы так на целый год, – пожелал Володя.

– А я в саду могу ещё подпитываться – в нём с весны до осени стоит благоухание. Да и зимой он морозом дышит.

– Счастливая.

Они уже далеко ушли от леса, а ветерок, налетая время от времени, доносил его аромат. Шли вдоль русла речушки. У берега плескалась вода, над нею склонялись вербы, и своими длинными зелёными косами касались самой воды. В небе появился клин курлычащих журавлей, улетающих на юг. Не сговариваясь, остановились, прослеживая их полёт до тех пор, пока они не исчезли из поля видимости.

– Скоро придут холода. Птицы знают и нам напоминают: сколько бы ни ласкало нас «бабье лето», но и ему приходит пора окунаться в осень. Наверное, «бабье лето» и есть та «баба ягодка опять», которая «в сорок пять». А потом, станут волосы глаже, пожухнут и опадут лепестки романтических грёз, поседеют виски и мороз скуёт взор.

– К нам придёт это ещё не скоро, да и до «бабы ягодки» тебе ещё далеко, ещё цветок не расцвёл, только бутон набухает... нежный упругий бутон... какое счастье наблюдать его, осязать, вдыхать его аромат.

Полудённое солнце, уткнувшись лучами в воду, мерно покачивалось на еле заметных волнах.

– Вербы полощутся косами в воде всё время и пьют её днём и ночью. Солнце же, упираясь лучами, только днём, утоляет жажду, насыщается на всю ночь. Почему так по-разному?

– Ты обращаешь внимание на такие вещи, мимо которых все проходят не замечая. С тобой поэтому очень интересно. Ты не просто красивый бутон, ты ещё и сообразительный бутон. Ната, где ты такая выросла и почему не прыгнула мне в руки давным-давно? Ну почему ты родилась в Сталино, а я – в Дебальцево? Как бы мне было интересно жить! Ты наполняешь мои дни невообразимыми чудесами. У меня от тебя захватывает дух!

– Да обыкновенная я девчонка. Просто ты меня воспринимаешь как-то по особому... всё во мне тебя восторгает, всё нравится, потому что у нас много общего. Ты умеешь меня понимать...

– Иногда мне кажется, что ты скифская царевна, попавшая в будущее.

– Удивительно.

– Что удивительно?

– То, что ты тоже читал о скифах. Мне это слово очень нравится почему-то, и про себя Донбасс называю Скифией.

– Ну, вот видишь, мы одинаково с тобой думаем по этому поводу. Скиф – младший из трёх сыновей Геракла и Ехидны. В честь его и названы эти земли, потому что отец ему их подарил. Он стал первым правителем и родоначальником.

– Почему именно ему?

– По воле его отца правителем мог стать тот, кто сможет натянуть его лук. Из всех братьев это смог сделать только Скиф.

– Ближайшие мои предки не отсюда, но это ничего не значит, ведь предки составляют сотни поколений и всё это передаётся нам нашими генами. Может, в каком-то колене кто-то и был, потому что я люблю эти места... мне в них хорошо.

– А твой мальчик, тоже тобой восторгается? Он умеет тебя понимать?

– Он, вообще, молчаливый. Наверное, что-то нравится, если он со мной. Он скуп на похвалы. Не каждому дано как тебе, уметь выражать свои чувства.

– Ты выгораживаешь его. Но как можно не восторгаться, глядя, например, на твою акробатику?

– А он её не видел.

– Как? Никогда не поинтересовался, что ты умеешь делать?

– Он сам занимался спортивной гимнастикой, и ему это не удивительно, потому что, наверное, видел художественных гимнасток на тренировках. Мы, например, тренировались в одном зале со спортивными гимнастами: половина зала у них, половина зала у нас.

Они уже подходили к своим домикам. От кухни тянуло запахом украинского борща и тушёным мясом с отварным картофелем. В умывальнике не было ни одного свободного места – все срочно мыли руки.

* * *

Ночью Володе плохо спалось. Стряхнув остатки тяжёлого сна с ресниц, отбросил суконное одеяло, которое им дали в колхозе, встал, и вышел на крыльцо. Планета ещё плыла в предрассветном тумане. Было очень свежо, как бывает по утрам в сентябре. Он пошёл к реке на заветную скамеечку, вспоминая сон. Снилось ему Ната... обворожительная, соблазнительная, но, когда он приближался к ней, ускользала. И так всю ночь. В разной одежде, в разных ракурсах и антуражах, но всегда источала волшебную притягательность, желание прикоснуться к ней, ощутить тепло её тела, уловить аромат дыхания... и, когда он, пройдя через все превратности и препятствия, которые возникали у него на пути, был почти рядом, она то растворялась в сером тумане, то уплывала вдаль на недостижимое расстояние. Это было так тяжело: осознавать, что ему не удаётся желаемое и понимать, что так будет всегда, понимать, но прогонять эту мысль. Ему так не хотелось допустить этого, он так не хотел в это верить. Ещё вечером, после прогулки в лесу, так объединившей их, так приблизивший их души в гармоничном соитии и заполонивших его надеждой на их будущее, так жутко вцепилось в сердце ощущение потери, что он разволновался. Всё его существо охватила тревога, предчувствие непоправимого, что произойдёт между ними. Но что может произойти после вчерашнего, после такой многообещающей прогулки? Ещё вчера ему казалось, что теперь они неразделимы навеки, после того как они нашли такое удивительное согласие во всём.

Сегодня его грызёт тревога, выползающая неизвестно откуда, ведь ничего не предвещает плохого. Что могло измениться за ночь? Может быть, к ней приедет её мальчик и заявит свои права на неё, и он вот-вот появится и заберёт у него Натю? Как же ему было плохо – эта тревога просто разъедала душу. Он не мог дождаться утра, когда он увидит Натю и всё узнает, узнает, что могло случиться такого, что так буквально убивает его.

Утром Ната улыбалась и одаривала его своим влюблённым взглядом. Это его несколько успокоило, и он стал убеждать себя, что всё это лишь сон, плохой сон, который вскоре забудется.

* * *

Последняя ночь в колхозе – это шабаш. Никто не спит. За несколько дней до этого запаслись спиртным и вкуснятиной, за которыми ходили в райцентр пешком за несколько километров. Володя боялся, что не сможет сдержаться и под действием спиртных паров начнёт «приставать» к Тале, всё испортив. Он повторял слова Равика: «Женщину надо либо боготворить, либо оставлять». Он оставляет её... ненадолго, поэтому и идёт играть в карты с ребятами на другую половину дома, где жил Карасенко (завязанный картёжник) и другие ребята. Каково же было его удивление, когда, вернувшись в свою комнату почти перед самым рассветом, увидел Натю, спящую на его кровати. Она спала одетая в брюках и рубашке на правом боку, согнув в коленях ноги и подложив руки под щёки. «Как младенец» – подумал Володя. То ли от ладоней, то ли от сюжета сна, слегка припухшие губы были немного выпячены вперёд, как будто бы для

поцелуя. И ему так неудержимо захотелось поцеловать её. Не только позой, но и выражением лица она была похожа на спящего ребёнка. Такой безоружной он видел её впервые. Куда девалась её воинственность, напористость, непобедимость. Какая же она прелестная и обворожительная! Лёгкая, гибкая, с точёными формами, зовущая. Ему так захотелось прильнуть губами к её губам, но... ему это не позволено.

Ната, почувствовав его присутствие, открыла глаза. И тут он не выдержал, опустился на колени рядом с кроватью и безудержно, со всей силой скопившейся страсти, стал целовать глаза, лоб, щёки.

– Тала – Талинка – проталинка. Ты проталинка в моём сердце. Оно впервые начинает оттаивать. Это так сладко, – и, помолчав, добавил: – и мучительно. Мучительно от того, что у тебя есть другой. Эта талая вода падает мне в душу, вызывая такую боль... если бы ты знала, как мне больно... как я завидую тому, другому. Как я хочу быть на его месте.

Когда приблизился к губам, она спросила:

– Мне уйти? Ты будешь спать?

Это означало, что поцелуи окончены.

– Кто же уснёт, когда перед ним такая девочка?

– Не начинай. Ты же знаешь: у меня – другой.

– Как бы я хотел быть этим другим, и иметь право на «начинать». Как он тебя зовёт?

– Как все: Ната.

– Да как же он может тебя звать, «как все»? Ты ведь вообще не «как все», а для него должна быть ещё и в миллион степеней возведена! А моя ты будешь Тала, талинка – проталинка... моя Тала, только моя, – шептал он страстно, обцеловывая веки.

Ната затаила дыхание. Неужели такое бывает на свете? Почему же Глеб так никогда не говорил, так никогда не целовал? Почему никогда не видела на его лице такого выражения безудержного наслаждения? А Володя наслаждался, старался им заполнить всего себя, чтобы надолго хватило, и дорожил каждым мгновением. Они разъезжаются, будут жить по разным квартирам, и встречаться только в институте на занятиях. Что-то ему подсказывало, что это самые дорогие минуты его жизни, и никогда больше у него не будет ничего подобного. Неужели ему не суждено быть с нею?! А он мечтал! Мечтал остаться с ней наедине, ласкать каждую её йоту, обволакивать лаской и негой, говорить ей такие слова, от которых бы кружилась голова, и спирало дыхание. А как ему хотелось услышать от неё хоть одно ласковое слово. Не сказала, ни одного, только тембр и выдавал. А каким бы он был в минуты близости?! Какая же она сильная. Как могла она всё это в себе держать, ведь он чувствует, что нравится ей? Эти две недели колхоза всё, что у него есть в жизни. И хотя он очень надеялся, что она разберётся со своими чувствами и придёт к нему, где-то на задворках сознания чувствовал, что никогда этого не будет.

– Ну, почему? Почему такая несправедливость? Когда я, наконец-то встретил девочку моей мечты, не только полностью отвечающей моему идеалу, но ещё и зашкаливающую, она оказалась чужой. Нет! Не чужой! Родной, самой родной, но отданной другому. Кто же так поступил со мной? Судьба? Судьба, скажи мне, где же я найду другую такую? Да, собственно, мне и не нужна другая, мне нужна она, моя непревзойдённая Тала, Талик, Талюня, Талюничка.

Он держал в ладонях её лицо и целовал, целовал бесконечно лоб, глаза, щёки. Губы тронуть не посмел. Его горячие пальцы скользили по вискам, векам, подбородку. Её бархатистая кожа была восхитительна на ощупь. У него перехватило дыхание.

– Остынь.

– Зачем, я же вижу твои глаза, я слышу биение твоего сердца. Оно бьётся в унисон с моим. Откажись, ведь свадьбы ещё не было. А бывает, что и в день свадьбы жених или невеста сбегает из ЗАГСа.

– Не могу. Я перевелась в другой институт, взбудоражила родителей, и мои, и его готовятся к свадьбе. Не могу. Это предательство. Я ведь его опозорю на всю жизнь.

Ната села.

– Я пойду в свою комнату, попытаюсь уснуть до отъезда. Может, сегодня в такой ливень и не поедем.

Он сел рядом, крепко прижав к себе. Уткнувшись носом в волосы, шептал:

– Я преклоняюсь перед тобой, перед твоим решением, решением человека с большой буквы и высоко ценю его и восхищаюсь твоей мудростью, благородством и силой воли, но... мне больно, очень больно... ну, почему это происходит со мной? Когда ты спрыгнула с машины и наши взгляды встретились, я вдруг ощутил, как из моей души льётся тепло. Я понял, что оно во мне было всегда, но затаившись, ждало момента. И вот этот момент настал. Тепло разливалось по всему телу и наполняло меня радостью, радостью от ощущения возможности им поделиться. Оно устремилось навстречу тебе и я, отдавая его, ликовал. Так вот почему мне не нравилась ни одна девчонка, потому что на свете была ты, которая должна была ко мне прийти. Ты пришла.

– Где же ты был раньше? Почему не шёл мне навстречу?

– Я не знал, где ты. А почему ты не шла мне навстречу?

– Я тоже не знала, где ты.

– Удивительно! Ты из Новочеркаска перевелась сюда, чтобы выйти замуж за него, а встретила меня, того, кто ждал тебя все прожитые годы. Ты как-то сказала, что твоя душа со мной, а сердце с ним. Но так нельзя, нельзя, чтобы душа и сердце в разладе жили! Так у тебя ничего не получится!

– Во всяком случае, пока это так.

– Пока? Так, значит, у меня есть надежда?

– Может быть... время покажет.

Он подхватил её за талию, и закружил на месте. Его счастливый смех заполнил комнату. В нём было столько радости и силы, что Натe казалось, сейчас поднимется потолок, и безудержная радость его полетит далеко в небеса, оглашая их. Это было невероятно. Но невероятнее всего было то, что его радость передалась и ей, захлестнула лёгким приятным хмелем превосходства. Её превозносили, её обожествляли, её водрузили на самый высокий в мире пьедестал, пьедестал Любви. Ничего подобного не было с Глебом. Он, вроде и любил её, но любил как-то тихо, безразлично, не одаривая комплиментами. Нет, комплименты всё-таки были, но они относились только к её уму, смелости и спортивной подготовке.

Володя поставил её на пол, продолжая держать в своих объятиях. За её плечами струился золотистый свет. Всё в ней было тайной, загадкой, волнующим призывом. Он был счастлив. Ната видела, что он её воспринимал по-другому. В Глебе Ната счастья от общения с ней не замечала. Она представила, как это бы было, случись оно с Клёсовым. И тут ощутила, как хмельное счастье, переполнявшее грудь, стало спускаться вниз, обретая крылья и трепеща ими под пупком. Оно пробиралось ниже, порождая неистовство, чего-то непонятного требовало от неё, требовало какого-то действия. Это было приятно и больно. Состояние внутри неё накалялось, угрожая вырваться наружу. Впервые Ната не понимала, что с ней происходит. Там свершалось что-то новое, ни на что непохожее, неподвластное ей. Она, резко освобождаясь от его объятий, ушла, так и не ответив на его поцелуй. А так хотелось прикоснуться к жёсткому ежику темечка, но... она знала, что стоит только прикоснуться и оторваться она уже не сможет... не найдёт в себе силы. Конечно, она не уснула и задавала себе тот же вопрос: «Ну почему, почему это всё происходит со мной?» На её лице ещё пылал жар поцелуев, душу жёг жар его слов, а внутри разливалась плазма чувств, собственных чувств, ослепляя и вознося. Она даже и представления не имела, что такое бывает, что такое может быть. Они больше года встречаются с Глебом, и от его слов не исходит тепло. Да, он, собственно, очень редко что-то говорит... и уж не комплименты. Он всегда ровно холоден: и в первые дни знакомства, и теперь. На его лице

она никогда не замечала той бури чувств, которая только что пронеслась и делала несколько минут назад лицо Володи таким желанным. Она впервые узнала желание, почувствовала каким оно может быть. Ничего подобного она не испытывала к своему будущему мужу, и не чувствовала тогда, когда «это» случилось. А оно действительно случилось... получилось случайно, во всяком случае для неё. Они просто встречались, они просто дружили. Чувства женщины в ней ещё спали, и, как поняла, спали до сегодняшнего утра.

А тогда... тогда они с Глебом лежали рядом на красивом лугу.

– Можно, я поиграю, – и просительно добавил: – только сверху.

– Поиграй.

Но, когда почувствовала резкую боль, поняла, что произошло. Игры кончились. Она вскочила испуганная и разъярённая, и была готова разорвать его на части.

– Что ты наделал? Ты в кого меня превратил? Ты опозорил меня!

– Никто не будет знать... чего ты? Чего ты... я женюсь на тебе, и никто ничего не узнает... это останется между нами.

Вот так и было принято решение о свадьбе. Может быть, она и ему не нужна, но он человек слова: пообещал – должен выполнить. А ей вообще деваться некуда.

– Машина пришла, – заглянув в комнату, сказал Адик, – выходите.

– Крытая?

– Нет.

– А как же мы под дождём будем ехать два часа до города?

– Плащ-палатки дали. Укроемся.

Дождь всё ещё лил частыми косыми струями. Под навесом группировалось столько человек, сколько помещалось под плащ-палаткой. У Наты не было ни зонта, ни плаща, ни резиновых сапог. Она стояла в двери и не решалась шагнуть под дождь. Володе казалось её лицо ещё более прекрасным, Она, так же, как и он, не смогла уснуть. Усталость оставила печать на лице, но не испортила. Утомлённое, ещё более тонкое, чем обычно, светилось отражением внутреннего света. Что-то зажглось внутри неё, и он был уверен, что это любовь, любовь к нему. Он подошёл к Нате, накинул на неё полу своего плаща, поднял на руки, и понёс к машине. У него был военный плащ, какой бывает у десантников (отец ещё с войны привёз), а на ногах – кирзовые сапоги. Он сел у самой кабины, где затишек, усадив Нату рядом. Прижавшись, обнял левой рукой, а правой держал соединённые внахлёстку полы плаща над головой.

– Вот так нас дождь не достанет. Мне главное, чтобы ты не простудилась. Дождь холодный.

Машина, набирая скорость, выбиралась из грунтовых сельских дорог на асфальтированную трасу. Все усаживались поудобнее.

– А мне, ведь не случайно в голову пришло «талинка – проталинка» Когда ты ушла, я вспомнил детский сон, который мне снился, когда я ещё дошколёнком был. Снился мне заснеженный косогор. Холодное небо и пробивающиеся сквозь тучи лучи к вершине косогора. Там на проталинке под лучами солнца паровала прогретая земля, а из неё выстреливали маленькие изящные зелёные листочки. Они быстро росли, набирая силы, разрастаясь и вширь, и ввысь. И вот проталинка засверкала изумрудом зелени с вкраплениями цветов разной окраски, а прямо с высоты, из воздуха появилась красивая в яркой одежде девочка. Была ещё зима, а на ней было летнее платье. Её грел тёплый воздух, исходящий от земли, но долго в нём находиться она не могла, потому что вокруг ещё было очень холодно. Мы оба понимали, что она так скоро замёрзнет, и протянули друг к другу руки. Я пошёл навстречу, чтобы согреть, но проталинка не приближалась. Я шёл, но никак не мог дойти до этой девочки, а когда, наконец, приблизился и наши руки должны были сомкнуться, проснулся. И долго лежал потрясённый, сожалея, что так и не согрел замерзающую девочку. Несколько дней ходил подавленный. Под впечатлением этого сна стал рассеянным, всё делал невпопад. Мне было жалко и себя, и эту девочку. Посте-

пенно сон забылся, и я никогда его не вспоминал, а утром вспомнил во всех подробностях. Значит, ты мне ещё в детстве снилась.

– И ты так и не согрел меня...

– Но это же во сне, а в жизни всё зависит от нас. Мы должны продолжить этот сон и соединиться.

Он целовал шею, поднимаясь к мочке уха, потом опускался вниз, нащёптывая:

– Какая у тебя мягкая и гладкая кожа, словно шёлк. Ты создана для любви, ты создана для наслаждения и улады. Как же я хочу услаждаться тобой и тебе дарить несказанное удовольствие. Я хочу, чтобы ты была моей и тебе отдаюсь безраздельно. Я весь твой. Возьми меня, властвуй надо мной, делай, что хочешь – я во всём подчинюсь тебе.

Горячий воздух, слетающий с его губ вместе с шепотом, горячие прикосновения языка волновали её. Глубоко – глубоко, в недрах души зарождалось что-то необычное, неведомое, отчего трепетало всё тело. Оно жгло изнутри, сжимало низ живота, пульсировало, толкая на безумство, напрягая всё внутри до изнеможения, до боли и сладости одновременно. То, что там сейчас бесновалось, требовало вытолкнуть его из себя с криком и рёвом. Росло непреодолимое желание вскочить и бежать прямо под дождём в степь, простирающуюся за обочиной дороги. «Бежать... бежать!» – стучало в висках.

– Я схожу с ума от запаха твоего тела, от тепла, которое от него исходит и пеленает меня. Я знаю, что я всегда буду помнить эти первые прикосновения. Я сохраню их в памяти своей на всю жизнь. Что бы со мной ни произошло, где бы я ни находился – это будет во мне. Никакие другие прикосновения не затмят эти, не сотрут их из памяти. Ты меня ни разу не поцеловала, не обняла, а вызываешь такие ощущения, которые я не испытывал до сих пор, – шептал он, целуя шею, – и я даже не подозревал, насколько мне не хватает этих ощущений. Не подозревал, что такое бывает, пока не повстречал тебя. Я даже сомневался в том, что умею любить. Солнышко, ты моё! Поверь мне, мы всё с тобой преодолеем!

Он прижался к ней всем телом, насколько это было возможно. Именно в эти минуты, он отчётливо осознал, что ради Талы готов на всё, что не сможет без неё жить и не вынесет предстоящую разлуку. Он должен её убедить поехать с ним в общежитие, потому что не в состоянии с ней расстаться.

– Я люблю тебя, – он потёрся подбородком о её шею. – Я люблю тебя. Пойми это. Это же так просто понять. Люблю и не смогу без тебя. И ты тоже меня любишь. Давай вместе разбираться с твоим мальчиком.

Ната, задыхаясь от наплыва чувств, попыталась хотя бы отодвинуться от него, насколько это было возможно в битком набитом кузове. Она всегда чувствовала, как от его улыбки рождалась сладкая истома в тех местах, об удивительном предназначении которых она узнала, только встретив его. Сейчас снова проснулась и забилась в жаркой муке некая тайная – сокровенная часть её тела. Все чувства и мысли исчезли, осталось только это жаркое пламя, толкавшее её к Володе, заставлявшее слиться с ним. Только он мог оживить её, разбудить, наполнить жаром любви.

– Не надо, не уходи, продли эти неповторимые минуты. Будут другие минуты, но эти – первые, и они никогда не повторятся, как ничто не повторяется в мире. Может быть, мы больше никогда не будем ехать из колхоза, больше никогда не будет лить дождь, и мы никогда не укроемся от всех под моим плащом. Как же я благодарен этому мелкому холодному сентябрьскому дождю за то, что он мне дал такую возможность прикоснуться к тебе, изведать такие чувства, которые не посещали меня раньше. Это что-то необыкновенное, потрясающее. И я знаю, что никакая другая девочка не сможет дать мне то, что даёшь ты. Я был равнодушен к девочкам, пока не увидел тебя. Там, на кукурузном поле ко мне с небес спустилось счастье. Да, счастье! И только ты способна мне его дарить.

А какое счастье для неё было слышать его, ощущать его прикосновения. Тело млело от неизвестной ей до сих пор истомы. И, хотя она была уже женщиной, ничего подобного ещё не испытывала. Да, она тоже сходила с ума, сходила с ума только от одних его слов, от нежности, звучащей в голосе, и удивлялась, что такое бывает. Но она не имеет на это права, она должна отказаться от этого. На ней стояло клеймо «порченная», а оно смывается только брачными узами с Глебом. Она не хотела переносить свой позор, свой грех на Володю. Такие, какой она теперь является, относились к касте «прокажённых», на таких не женились. Даже, если бы он и простил её, это клеймо всегда бы стояло между ними, как пропасть, которую надо каждый раз преодолевать. И ещё она не хотела омрачать их светлые отношения, запачкать эту необыкновенную чистоту пятном своего позора. А он шептал на ухо:

– Ты самая лучшая девочка на свете! Я не пробовал другие, но уверен, что у тебя самая сладкая мочка. Он касался кончиком языка мочки, потом путешествовал за ухо, опускался вниз по шее. – У тебя необыкновенно красивая лебединая шея: гибкая, изящная. Такая линия была только у царицы Нефертити. И его язык медленно поднимался вверх по изгибу шеи и возвращался к мочке. Теперь он едва касался её губами, как бы обнимая с двух сторон и толкаясь в неё языком. С ума сойти можно было от этих прикосновений.

Большинство ребят и две девочки жили в общежитии на студгородке. Вся группа решила ехать в общежитие, потому что дождь ещё лил как из ведра. Уже договаривались, кто из местных у кого будет ночевать, а утром разъедутся по домам.

– Я не поеду, – сказала Ната. – Мы будем проезжать недалеко от моего дома, и я выйду на Ждановской развилке.

– Талинка... проталинка, ты моя судьба, не покидай меня. Ты моя первая любовь. Поехали в общежитие. Я столько лет ждал тебя...

Тепло его тела, прикосновение языка и губ волновали её и вызывали незнакомое до сих пор ощущение. Оно властвовало над ней, и способно было толкнуть на безрассудный поступок. Это пугало её. А что, если у неё к каждому мужчине, который обнимет её и поцелует мочку уха, будут такие же чувства и она не сможет с ними справиться? Нет! Нет! И ещё раз нет! Она встанет на развилке и пойдёт домой.

Машина неумолимо приближалась к городу. У неё не хватало сил прервать его сладостные признания, и, всё-таки, собрав всю силу воли, сказала:

– Мне скоро выходить. Мы будем ехать мимо моей улицы, и я встану.

Полуторка как раз подъезжала к бульвару Ивана Франка, который являлся продолжением их улицы. Когда она повернулась, чтобы постучать в крышу кабины водителя, Володя с отчаянием прошептал:

– Ты ведь пожалеешь об этом.

– Если пожалею, я тебе обязательно скажу, – произнесла она, уже стоя на земле и Володя, конечно, не услышал этих слов.

Но она не забыла их и всегда помнила. Спрыгнув, быстро пошла вперёд, твёрдо чеканя шаг. Она уходила в дождь, унося с собой сладость слов и жар поцелуев. Дождь остужал тело сверху, а внутри оно всё горело от того пожара, который зажёт Володя. «Льдом, льдом, ледяным крошевом надо засыпать всё это, чтобы оно никогда не возгорало».

«Господи, это же не мой грех! Почему я должна расплачиваться за него? Кто так решил? Я бы никогда не допустила до этого! Глеб, вероломный взломщик, вынуждает теперь действовать по его сценарию. А я не хочу! Я хочу ехать с Володей! Но не могу! Не мо-гу-у-у...» Капли дождя смешивались со слезами. Она слизывает их и твердила: «Никогда, никогда ты не подпустишь его ближе, чем на метр, никогда не прикоснёшься к нему ни рукой, ни ногой, ни телом. Никогда не заставишь его делить свой позор!» Приближаясь к дому, она уже почти бежала. В дом влетела мокрая, запыхавшаяся, как всегда, перемахнув через забор.

– Кто за тобой гнался? – спросила бабушка.

- Прошлое.
- Ты так говоришь, как будто прожила сто лет и уже древняя старуха.
- Прошлым может быть и то, что было минуту назад.

Поняв, что у внучки случилось что-то неординарное, не стала допрашивать. Секретов у них никогда не было, и она знала, что рано или поздно Ната всё расскажет. Но бабушка не подумала о том, что маленькая её любимая внучка выросла и стала взрослой. В детстве у неё не было от бабушки секретов, а теперь есть.

Глава 4

Возня Глеба вокруг неё, поцелуи, объятия были на периферии сознания. Ната наслаждалась прекрасным летним вечером. Недалеко журчал ручей, пронося свои воды по живописной долине, окаймляющей русло. Темнело. Серо-лиловые тени окутывали дальние сады и деревья, украшающие своими густыми кронами мир. Сейчас, в сгустившихся сумерках, почти в преддверии ночи, они были похожи на былинных богатырей, спешно поднимающихся по косоугру. Окружающее пространство менялось с каждой минутой и переносило её из реальности в волшебный мир иллюзии. Думалось о том, как свет и зависящие от него цвета, изменяют мир. Перед ней сейчас вырисовывалась совсем не та картина, которую она наблюдала при дневном освещении. Она лежала на спине, наслаждаясь мерцанием, рассыпающихся по чёрному атласу неба, звёзд, мерным говором ручья, шелестом листьев и, настоящим за день на горячем солнце, ароматом трав.

Глеб елозил своим отростком у неё между ногами, сместив подол платья, но она не обращала на него внимания. Он так играл и раньше, однажды испросив разрешения на это. Она никогда не видела его мужского достоинства, потому что ей было стыдно смотреть на него. Обычно эта игра вокруг да около этим и оканчивалась. Но вдруг её пронзила боль, и в следующее мгновение она поняла, что произошло. Он проник в святая святых и без её на то желания. Нагло. Вероломно. Ната пришла в бешенство, резко отбросив его от себя ногой, понося ругательными словами, которые только приходили на ум. Она была не просто возмущена, не просто в отчаянии, она была в шоке: «Что ты наделал? Как мне дальше жить с этим позором? Теперь я „порченная“, „трахнутая“».

Вспоминая это, разозлилась. «Я – всегда первая, во всем лучшая – заклеяна смертным грехом. На мне клеймо позора, и отныне я не смею поднять не то что голову, а даже глаз. Но я не виновата. Он меня насильно сделал грешной! Почему же я должна расплачиваться за это насилие? Почему я теперь всю жизнь должна платить за это? Смогу ли я когда-нибудь быть вместе с Лодиком? Так звала она Клёсова, когда мысленно разговаривала с ним: Володя – Лодя – Лодик. А что с Клёсовым? Может быть, это только увлечение?»

Ладно, всё бы было так, но теперь появился Клёсов и обострил эту проблему. «Почему всё так произошло? Кому надо было это устроить?» – не первый раз задавала эти вопросы. На каникулах после первого курса института отдыхала с отцом и его женой в Сочи. Но в один из дней ей вдруг захотелось поехать домой, несмотря на то что им предстояла интересная поездка в Грузию. Отец отговаривал. Но какая-то неведомая сила заставляла её настаивать на своём. Довлело ощущение, что она должна так поступить, что это очень важно для неё. И отец уступил, и купил билет на поезд. В первый же вечер позвала подруг на танцплощадку. Там и подошёл к ней Глеб, подошёл и больше не отошёл. Во всём этом Ната усматривала веление Судьбы, и это ещё её удерживало от разрыва с ним: имела ли она право перечить Судьбе?...

Так жутко было на душе: она сегодня убила своё счастье, наступила на горло своей любви. Да, так наступила, что не продохнуть. Может, это всё-таки только эмоции, навеянные близостью Володи, нежностью и заботой о ней. Какие-то чувства она переживала и с предыдущими Володями. Ната потянулась к дневнику. Захотелось вспомнить, как было тогда, сравнить, увериться: не ошибается ли.

18.08.1958 г. «Любовь... Какое это драгоценное, столько веков повторяющееся слово, не утрачивающее от этого смысл, не теряющее ценность. Тысячелетия освещает она человеческую жизнь своим прекрасным живительным огнём. Во имя её совершаются подвиги, она присутствует при взлёте самой смелой человеческой мысли, она рождает удивительную музыку, вдохновляет в труде, побеждает трудности».

«Такая любящая женщина – большая сила... Умная и сердечная, нежная и стыдливая, чуткая и пронизательная, великодушная и самоотверженная, она может даже в оступившемся человеке пробудить высокие качества, благородные стремления.

И так бывает. И такой должна быть каждая женщина. Не жалкой, не «жертвой» обмана, а сознающей всегда свою ответственность, женщиной, умеющей сильно и пламенно любить, умеющей бороться за свою любовь, за любимого, умеющей в любых обстоятельствах сохранять своё достоинство.

*За женщину гордую, прекрасную, достойную поклонения и любви»
(Газета «Смена». Ленинград.)*

И тогда, в восемнадцать и теперь в двадцать ей хочется любить, быть любимой и достойной женщиной. Всё ещё впереди, и надо не ошибиться, надо всё выверить и сто раз измерить, прежде чем отрезать: взвесить все «за» и «против».

22.08.1958 г. Любить надо не напыщенно, не громко. Мне кажется, не прочна та любовь, которая руководствуется страстью. Страсть скоро проходит и ничего не оставляет после себя. Надо уметь и любить скромно. Сейчас читаю Кронина «Звёзды смотрят вниз». И вот – сильно переживаю. Негодяй Джо! Какая это скотина! Неужели на свете есть ещё и такие люди? Ведь скоро совсем некому будет верить. Чем больше растёшь, тем чаще встречаешься с ложью, с обманом.

Не могу понять, как люди могут гордость свою уступить страсти. Неужели это такие силы, что человек не может руководить собой? С этим не согласна. Можно себя сдерживать, если хочешь... если тебе дорога своя честь и гордость. И потом, надо всегда себя держать в своих руках. Фу, какая гадость! Если есть такие скоты на свете, то, наверное, они одиночки. И не следует отчаиваться, и так плохо думать обо всех людях. Притом, это происходит в Англии. Но ведь всё равно человек остаётся человеком всегда, где бы он ни жил. Нет! Я этого Джо готова убить, такого подлеца.

Ната улыбнулась себе восемнадцатилетней, которая так ополчилась против подлости. Вот и сейчас именно такое отношение к ней и не позволяет поступить подло – предать Глеба перед самой свадьбой.

24.08.1958 г. День рождения Вадима, моего двоюродного брата. Послал мне Бог сегодня одного симпатичного парня. Ребята были все с Мушкетово и из его класса. Володю Островского я сразу заметила, как он только вошёл. Высокий блондин с вьющимся чубом и карими глазами. За столом он сидел напротив меня. Когда начались танцы, меня пригласил Валера и станцевал со мной несколько танцев. Потом весь вечер приглашал Володя. Я почувствовала, что он обратил на меня внимание. Оказывается, он тоже поступал в Новочеркасский институт, но завалил немецкий. Гуляли до 2-х ночи, а потом пошли на Пожарную провожать всех на мушкетовский трамвай. Трамвая долго не было и ребята, кто ушёл пешком, кто заснул на лавочке в скверике, а Володя вызвался меня проводить домой. Пока ждали «тройку», подъехал автобус, предложил народу подвезти на базар. В автобусе я стояла на ступеньку выше и хорошо рассмотрела его лицо. Губы слегка вздёрнуты гордо кверху... Вообще, он очень симпатичный парень. У него белое и твёрдое лицо, наверное, о таких говорят, «как мраморное». Наверное, у него твёрдый характер и сильная воля. Только прошли Соловки и стали спускаться с глея, как мне приспичило. И чувствую я, что дальше не могу идти с ним, надо прощаться.

– Вот и наша улица, – говор... – там мой дом, так что мы пришли. До свидания. Спасибо. Всего хорошего.

– Спасибо.

Только отошла от него и... ничего не было у меня смешнее и трагичнее этого случая. Он ещё пытался спросить, когда я в Новочеркасск уезжаю, но я что-то буркнула на ходу. Зло берёт, что я таким поведением отрезала парню все пути. Такой хороший мальчишка, скромный. Он меня даже под руку не брал, шёл рядом. Хотела через Вадима с ним связаться, а потом решила, если понравилась, сам свяжется.

Всё думаю о Володе. А в Сочи я проводила каникулы с Мишей, договорились о переписке. Ждала от него писем, и вдруг... увидела Володю. И всё. Мишин образ померк, и писем уже не жду. Хочу видеть Володю. И как это объяснить? Я даже очень хочу, чтобы он мне не написал, а вчера ещё ждала от него письмо. А сегодня чувствую, что не смогу с ним переписываться. Володин образ всё время передо мной, и что-то невероятное со мной происходит. Какие-то мучения, страдания и страшная боль от бессилия что-либо сделать. Если бы это быстро прошло. А что, если я ему совсем не нравлюсь? А что, если это одно из очередных увлечений? Ведь я всегда так пылко увлекаюсь...

Вот, вот... Больше года нравился Глеб. Симпатичный умный мальчик, из хорошей семьи.

Собралась за него замуж выходить, перевелась в Донецк, родителям объявила... встретила Клёсова и... «образ Глеба померк». Что же я такая ветреная? Или что это такое у меня с любовным аппаратом, или с головой... или с сердцем любвеобильным?

И, наверное, буднично любить нельзя, как я думала. Не знаю, как мне хочется его увидеть до отъезда, хотя бы раз. Я чувствую, что для него я смогу сделать многое. Вернее, думая о нём и мечтая, стараясь изменить себя и сделать себя хорошей, я смогу бороться с собой.

25.08.1958 г. Сейчас мне ясно одно: с Мишей переписываться не смогу. Что же это такое? Как же я так могу? Я всё время твержу один и тот же вопрос, и не могу понять, что это со мной происходит. Другие, может быть, и не стали обращать на это внимание, но я, ведь себя знаю. Я считала себя постоянной и потому мне больно сознавать, что я изменилась. Что же произошло? Ещё на Пожарной я совсем не жалела о том, что расстанемся, и даже, когда прошли Соловки, не жалела, а теперь мучаюсь. И знаю, что не лицо красивое меня увлекает и манит, а какая-то сила. Что это за такая сила, которая заставляет меня страдать?

И ведь эта сила меня держала в своих силках почти год.

06.09.1958 г. Занятия уже начались. Живу в общежитии. Пока всё ещё поглядываю на Володину фотографию. К остальным мальчишкам равнодушна. Здесь есть хорошие ребята, но я не хочу с ними связываться. По вечерам общежитие пустеет. Все уходит на танцы, а мы с Мэри занимаемся.

27.09.1958 г. ... Мы с Мэри в очень хороших отношениях с ребятами из нашей группы. У нас много хороших ребят, скромных и целеустремлённых: занятия не пропускают, много занимаются. Часто приходят к нам, и мы вместе занимаемся, особенно два друга из Красного Сулина Юрасик и Толясик, так мы с Мэри их называем. Юрасик больше внимания уделяет Мэри. Толясик попробовал проявить ко мне интерес, но я дала понять ему, что он не в моём вкусе. Пока всё ещё поглядываю на фотографию Володи Островского. Мне её дал Вадик.

16.10.1958 г. Хорошо жить! В шесть утра – подъём, потом пробежка и упражнения в парке возле дома. Энергией заражаюсь на весь день. Хоро-о-шо! Хожу на плавание. Занимаюсь по-прежнему много.

29.11.1959 г.... По субботам всегда вынимаю из конверта Вовочкину фотографию и люблю её им. Где он сейчас? Призвали ли его в армию? Смотрю на его фотографию и вспоминаю день рождения Вадима. Вспоминаю, как сразу его отпустила, когда открыла ему дверь, как танцевали, как ребят провозжали на Пожарной, как домой ехали ко мне в автобусе. Ничего нет смешнее и обиднее того случая. Если бы не мой желудок, договорились бы с ним о встрече, и не гадала бы теперь, где он, а знала бы наверняка. Почему тогда всё так получилось? Только ли для того, чтобы мне показать, что Миша – это не то, что мне нужно? Так хочется узнать хоть что-нибудь о Володе. Хочется в Сталино, потому что только там, я смогу узнать.

01.01.1959 г. Здравствуй, новый 1959-й год! Я тебя достойно встретила. Вчера с Мэри сдали экзамен по начертательной геометрии на отлично. Итак, у нас уже все зачёты и два экзамена сдано...досрочно. Это я подбила Мэри сдавать досрочно, чтобы продлить себе каникулы и подольше дома побыть. В новогодней институтской газете нас с Мэри поздравили:

В учёбе многих превзошли
Подружки неразлучные.
Желаем, чтоб успешно шли
У вас дела научные.

13.01.1959 г. Я дома. Последний экзамен сдали восьмого января, и почти целый месяц буду дома. Мечтала о встрече с Вовчиком, но его призвали в армию. Служит во Львове. Вадим обещал адрес узнать у родителей. Ждать ли Вовчика? Стоит ли? Ведь я совсем его не знаю. А вдруг он не такой, каким мне кажется? Тогда будет жаль утраченных лет. Нет, я рассуждаю, как бюрократ. Хоть и настала пора решать, я решать ничего не буду. Пусть будет так, как мне подскажет сердце.

15.01.1959 г. Хожу как неприкаянная. Вчера отметили мой день рождения. Были мои подружки, ребята с улицы, наши квартиранты. Было весело и хорошо, даже мне. Светлана, кажется, будет встречаться. Да, детство уже прошло! Уже не те интересы, не те традиции. А как жаль! Валя, Света и Лиля как-то более общительны с ребятами... вольнее, болтливей, не так стесняются. А я всё пекусь о своей гордости! Я серьёзнее, а в компании это плохо. Привыкли мы с Мэри ни с кем не знаться, чтоб нам все в пояс кланялись, вот и результат. Мне говорят, что так у тебя мальчика никогда не будет. Ну, и не надо! Я не стараюсь их привлекать. Если надо – найдёт, а не найдёт, так и не очень-то надо. Главное заниматься, и успешно окончить второй семестр.

02.02.1959 г. Я дома. Была у Вадима. Он Вовин адрес оставил в Новочеркасске. Рассказывал мне о нём. Я всё правильно думала. Он скромный и покладистый мальчик. Служит в войсках связи. Это то, что ему нравится, а нравится ему радио. Девочки у него нет.

Света уже не встречается с Виталиком. Ей снится Олег К. – её школьная любовь. Снится с винтовкой, потому что в армии. Но это безответная любовь. Она говорит, что никогда его не сможет забыть. Зачем существует на свете такой закон: ты кого-то любишь, тебя не любят, тебя любят – ты не любишь? Если бы почаще встречалась взаимность! Я всё меньше и меньше верю, что существует такая любовь, какой я её представляю, но верю, верю, что есть и у меня будет.

А мы втроём – Я, Вадик и Лиля идём в кино. По-моему, Лилия ему очень нравится. Билетов в кино он не достал, и мы пошли к нему слушать музыку. Вадик нас сфотографировал у радиолы. Потом пришла тётя Аня, и мы разговаривали об учёбе, о Новочеркасске. Вадик пошёл нас провожать. До трамвая шли пешком через весь город, и он с нами проехал ещё одну остановку. Когда он вышел, Лилия сказала, что он положил ей в карман записку и просил прочесть её дома. Мы, конечно, прочли её тут же, в трамвае. Примерно, он пишет так: «Лилечка, может это покажется странным, но я не хочу увозить с собой тайну. Я много встречал девчонок, но всё это было не то. Я ждал чего-то необыкновенного, чтобы произвело на меня большее впечатление. И это было, когда я увидел тебя, ну, и т. д.» просил уничтожить записку, но я говорю Лиле: «Береги, это ещё не конец. Лилия была потрясена и удивлена.

А я всё время думаю о Володе. Представляю его сидящим за рацией. Как я мечтала встретиться с ним в Сталино, экзамены досрочно сдавала, чтобы подольше с ним побыть, а его в городе нет. Эх, Вовчик, Вовчик, знаешь ли ты, подозреваешь ли ты, что из-за тебя так мучается и страдает одна особа?! Если бы ты знал, что для неё ты значишь? Что для неё ты именно то, что самое, самое дорогое.

Я иногда завидую красивым, но не оттого, что хочу быть красивой, а оттого, что все мальчишки смотрят на симпатичных. Конечно, это естественно: сразу смотрят на лицо, а не на душу. А душу всё равно сразу и не увидишь... Ну, и пусть на меня никто не смотрит! ну, и не надо! Да, жизнь – это сложная вещь.

05.02.1959 г. *Ночь. Вернее, начало нового дня. Со зрением немного лучше, а у меня не хватает силы воли дать им отдых. С жадностью набросилась на книги. Читаю «И один в поле воин». Хочу кое-что выписать: «Нет ничего более отвратительного, чем человек, давший волю животным инстинктам, потерявший контроль над собой».*

14.03.1959 г. *Я перешла на механический факультет в группу подъёмно-транспортных машин. Нас готовят, как специалистов для портов юга страны. Как и прежде живу Володей. Только теперь я получила от него и письмо, и поздравительную открытку на 8-е Марта. Можно подумать, что я на высоте. Нет. Я волнуюсь больше, чем раньше. Жду письмо, а внутри всё переворачивается. Иногда дикие мысли приходят в голову, но я верю в его серьёзность, и отгоняю их прочь. Сейчас уже 15-е марта, но я ещё буду писать семинар. Теперь мне перед мамой и перед Володей отчитываться за свои оценки. Значит, учиться надо вдвое лучше, а не наоборот.*

28.03.1959 г. *От Володи уже давно нет письма. Почему он не пишет, не знаю. Жду. Он всё равно напишет.*

05.04.1959 г. *Кто бы знал, как мне хочется написать Володе письмо, но гордость не позволяет. Может быть, произошло что-то, что не даёт возможности ему писать письма. Он не только мне не пишет, он не пишет и Вадикю. Я ломаю себе голову: что могло произойти? Может написать ему? Нет. Может, вызвать по телефону? Нет. Что же мне делать? Я помню его слова: «Я очень рад, что ты ко мне так относишься. На твои письма буду отвечать с удовольствием...»*

30.05.1959 г. *Сегодня, наконец-то, получила письмо от Володи. Рада безгранично! Пишет, что был в командировке и будет часто бывать. Это служба.*

13.06.1959 г. *Писать некогда, но я напишу. Сейчас Мэри услышала разговор ребят на верхнем этаже. Юрасик кому-то говорит: «Кушать хочется, а денег ни копейки!» Мы позвали*

Вовку Улецкого и предложили ему 25 рублей, (между прочим, Мэри ему уже давала 30 рублей). Он деньги брать не хотел. Мы настаивали, потому что знали, что они вдвоём с Юрасиком будут жить до стипендии на эти деньги, да ещё, может быть, и ребята по комнате к ним подключатся. Получилась перепалка. Его отказ, да ещё в дурацком тоне, нас обидел и унизил.

– Ну вот, так и знал – зайди в эту квартиру, так они или голову разобьют или деньги предложат.

Тогда я вспыхнула и, отомкнув замок, открыла дверь: мол, уходи. Он медлил. Я дрожала от гнева и готова была разреваться. У меня уже были полные глаза слёз, но я собрала силы и сказала ему с презрением: «Спасибо». Он вышел, и я демонстративно тут же защёлкнула замок. Поворачиваюсь, а Мэри тоже плачет. Хам. Идиот. Как могло это синеглазое существо так нахамить нам? Откуда у него взялось столько дерзости и наглости? Я не буду больше с ним разговаривать. Да и он понял, что наша дверь навсегда закрылась за его спиной. Как будет больше времени, напишу подробнее об этом синеглазом. А глаза у него почти васильковые.

17.06.1959 г. Кажется, сегодня есть немного времени и настроения, написать подробнее о синеглазом. Был он когда-то для меня незнакомым, скромным милым мальчишкой. Потом он стал дружить с Юрасиком и бывать в нашей комнате. Мы часто, прозанимавшись целый день, по вечерам на последний сеанс ходили в кино. Мы – это я, Мэри, Юрасик и Толястик. В тот вечер и он пошёл с нами и сел рядом со мной. Мы с ним разговаривали перед началом фильма. Толястик ещё тогда сказал Мэри: «Ты глянь, как они мило беседуют». Я ещё сама тогда подумала о том, что отдала ему предпочтение, ведь тогда я не разговаривала ни с одним мальчишкой, кроме Юрасика и Толястика. А на следующий день он попал в больницу – тогда всех косил грипп. После выздоровления, он стал заходить к нам в комнату. Мэри говорит, что, глядя со стороны, можно подумать, что мы влюблены друг в друга. Что касается меня, то я его люблю, как брата я забочусь, чтобы у него всё было нормально. Он, по-моему, меня тоже не любит. Ребята знают, что у меня есть парень, знают, что я с ним переписываюсь. Не знаю, почему, но Юра стал часто ссориться с Вовкой. Мэри говорит, что он злится на него за то, что тот знает, что у меня есть парень, но продолжает ходить в нашу комнату. Не знаю, что они себе вообразили, но мы просто уважаем друг друга. Если бы он даже поклялся мне, что любит, я бы не поверила – мы совсем разные. И, вообще, подобное не укладывается в моей голове. Готовились мы вместе к зачёту, вместе учили. Он держал меня за руки. Зачем я ему позволила? Я думаю, что брату это позволить можно.

За это время было несколько ссор: то я его обидела, то он меня. А сегодня он принёс некоторые билеты, которые я просила, и я его экзаменовала по математике. Я дала себе слово, что больше не позволю ему коснуться моих рук, но это трудно сделать, когда он сидит рядом. Сегодня мы с ним стояли на лестнице, когда он вышел от нас. Шёл Толястик и, как всегда:

– Вовка, а, Вовка, такой тихий мальчик!

– Ната, а, Ната, такая скромная девочка! Никогда бы не подумал!

Вот это и всё, что он всегда нам говорит. Я уже на память выучила. Но мне надоело:

– Толик, а, Толик, когда перестанешь глупо шутить?

– А что, Вовка – парень серьёзный.

– Дальше что?

– Симпатичный.

– Дальше что? Ну, что из этого?

– Ну, если ещё учесть, что он равнодушен... к окружающим.

Меня уже обуяла злость. Тогда я взяла его за шиворот и подвела к окну.

– Смотри. Прочти это, и чтоб больше никогда мне ничего не говорил.

На подоконнике было написано: «В. Островский».

21.08.1959 г. Почему всё в жизни так противоречиво? Как-то, чем взрослее становишься, тем больше неприятно от того, что все такие пошлые, что пока ещё не видишь настоящей любви. Был меньше, всё так идеализировал, а теперь не то. Сейчас идеализирую Володю. Но он, наверное, такой, как и все парни. Почему-то я всегда мечтала о серьёзном друге, который бы меня ценил, любил. И таким я представляю Володю. Вчера получила от него письмо. Боже, какая это радость! А он? Опять ответ пришёл через два месяца. Так хочется, чтобы он поскорее был со мной. Ведь, как трудно ждать, когда любишь, когда хочешь быть вместе, чувствовать его сильную руку рядом. Мне даже стыдно себе признаться в своём желании. Мне хочется, чтобы он поцеловал меня. Хоть мне почти 20 лет, но я стесняюсь целоваться, и меня совсем к этому не тянет. Конечно, я уже целовалась, вернее, меня целовали, но я оставалась безразличной. Мне совсем не хотелось обнимать парня, и не было никаких ответных чувств. Мне даже было стыдно. Интересно, будет ли мне стыдно с Володей, смогу ли я ему показать свои чувства? Мне только одного хочется, чтобы он меня поцеловал. Ещё тогда, когда мы расстались в то утро и, когда через несколько часов я почувствовала, что он мне дорог, я хотела только одного – поцелуя. Если бы мы тогда расстались по-другому, не были бы такими далёкими. А сейчас у нас сугубо деловые письма. И я страдаю оттого, что не могу ему высказать своих чувств. По письмам делаю вывод, что он ко мне совершенно равнодушен, а пишет из вежливости или просто держит на запас, на всякий случай. Иногда я думаю, что он встречается с девушкой, но отгоняю эту мысль. Хочу поехать во Львов, чтобы встретиться с ним. При встрече, всё бы можно было узнать. Но я и боюсь этого. А если я ему не нравлюсь, ведь я никому не нравлюсь. Ну, почему я такая гордая и скрытная? Хорошо это или плохо?

Вот сейчас моё сердце болит оттого, что я боюсь быть оскорблённой, униженной, обманутой. А чтобы это принять, надо быть выше всех и всего. Он мне пока ещё ничем не обязан, ничего не обещал. Если я приеду во Львов, то скажу, что приехала по делам и зашла его проведать. Разве моя гордость позволит мне сказать, что я ехала именно к нему? Не позволит никогда. А пока что-то не то на сердце. Последнее письмо ему написала более откровенное, а его ответ совершенно не соответствует. И опять же, до встречи с ним я не должна о нём плохо думать. Всё понимаю, и всё-таки на сердце тяжело от его такой расчётливости. Хочется, чтобы он любил меня сразу, с того дня, как мы встретились. Но это уже не так или он такой скромный. Нет, зачем успокаивать себя...

22.08.1959 г. Сейчас слушала прекрасную музыку, и мне хотелось написать: «Как я люблю музыку и одиночество»... и вдруг: «Говорить Львив...» Это Володя передал мне привет из Львова. Света мне говорит, что всё это у меня чепуха. Я разозлилась, и чуть не сказала ей «дура». Как она так может? Ведь она не знает моих чувств, а судит. Да, я некрасивая. Это одно, что может препятствовать. Пусть я некрасивая, пусть он не полюбит моё лицо, но вряд ли он не содрогнётся перед моим чувством к нему. Пусть он не будет любить меня, но скажет: «Эта девушка умеет по-настоящему любить и так она любит меня». И это мне будет наградой. Ведь я ничего не прошу у него. А он для меня что-то сильное, что-то вот такое, отчего зависит вся моя жизнь. Мне кажется, что он для меня всё, что, если я не буду иметь от него поддержки, то я не знаю, что со мной будет. Я даже не могу толком объяснить это чувство. Глупые те люди, которые так просто говорят: «чепуха». Пусть говорят, что хотят, пусть думают, что хотят, но я всё равно дождусь его. Пусть он мне сам скажет: «Ната, я тебя не люблю». Тогда я поверю. Сейчас у него мама, и ему, конечно, хорошо, и он совсем не думает обо мне. А часто ли он, вообще, обо мне думает? Может, он обманывает моё доверие? Может, я слишком его идеализирую?

23.08.1959 г. *Ровно год назад в эту минуту я впервые увидела тебя, Володя! Ровно год! Вспоминаешь ли ты этот день? Вот уже мы были вместе. Теперь будем вместе до самого утра. Сегодня мне радиолобители сыграли «Торадо де Мадридо». Это ж надо, какой подарок! Под эту музыку мы с тобой танцевали. А ещё мы танцевали под мелодию «Я тебя люблю». И когда певец пел «Я тебя люблю», я, мысленно обращаясь к тебе, говорила: «А я тебя не люблю». И, вот видишь, оказалось всё как.*

09.09.1959 г. *Вот я и на втором курсе. Общежитие нам не дали. Вернее, мне дали, а не дали Мэри, и я ушла с ней на квартиру. Живём во флигеле втроём: Я, Мэри и Вика Шевченко из Горловки. У меня самые благоразумные намерения: как можно больше заниматься. Написала письмо Володе со своим новым адресом. Вовчик Улецкий приходил в субботу вечером, повёл нас с Мэри в кино и вот больше не появляется. Завтра день рождения Толясика. И, как обидно! Я с ним не разговариваю до тех пор, пока он не извинится.*

09.10.1959 г. *И, всё-таки он помнит, помнит обо мне! Он поздравил меня с праздником! Милый мой, хороший! Разве можно сравнить эту радость с какой другой?! Я бегала по комнате с открыткой в руках, прыгала. Я готова была чёрт знает, что сделать в эти минуты. Он меня поздравил! Он не забыл! Боже, какая это радость! Володька, мой дорогой Володька!*

Я никогда тебя не забуду, я дождусь тебя из армии. Как можно забыть того, чей образ всё время перед глазами, того, кто сильнее всех, умнее, серьёзнее, строже. И, всё-таки я не говорю, что люблю его. Только не могу понять, почему многое ему прощаю, почему забываю все обиды, с дикой радостью встречаю его письмо, которое думала уже никогда не придёт.

Света написала мне: «Теперь я верю, что ты любишь Володю». А я ей написала: «Ты веришь в то, в чём я ещё сама не уверена». Но ведь ради него, с мыслью о нём, я готова на всё, я всё могу сделать. Что же это? Любовь? А? Не знаю. Разве не всё равно, что оно такое. Оно есть и мне так хорошо. А в голове бешено колотится: «Помнит!» Разве это не радость?! Убеждают, что не бывает любви с первого взгляда, ты его совсем не знаешь. А мне кажется, что знаю, что чувствую его мир.

22.01.1960 г. *Не знаю, какая тоска разрывает мою душу. Кажется, надо бы радоваться – каникулы, домой поеду, а мне так тяжело. Ничего не хочется и домой ехать не хочется. Что гнетёт меня? Одиночество, ли? Нет. Я давно свыклась с мыслью, что я одна (в смысле – нет любимого). Что ж, коль никому не суждено меня полюбить. Но это не то, что-то другое сейчас точит моё сердце, а что, не пойму. Что за странная тревога? Я, кажется, по – прежнему могу думать о Володе, хотя он не пишет уже совсем. С тех пор, как приснился сон, что он влюбился в Лилю и в этом сне сказал: «Если бы она приехала ко мне, может быть, я бы и её полюбил». Лиля теперь во Львове, и зря я ей дала его адрес. Теперь я знаю точно, что он меня не любит. Кому я нужна? Я нужна самой себе. Я знаю, что я некрасивая, но неужели настолько? Я, наверное, просто не знаю, насколько я отвратительна, поэтому и удивляюсь. Но у меня есть мои друзья. Они, кажется, не видят моей отвратительности, и я для них друг.*

Ах, на что мне нужна любовь? Тем более, что столько встречаешь противоречий. У меня плохой характер, мне так трудно будет в жизни, даже и теперь трудно. Есть же везучие люди, во всём им везёт.

Да, а ведь день рождения отметили хорошо. Мне – двадцать лет! Поздравили от группы, подарок подарили, а к вечеру собрались в нашем флигельке. Пришли Юрасик с Толясиком, Вовчик Улецкий, Женя Волков, Толик Варда и все мои девчонки. Вовчик уселся около меня. Я сразу его поняла: этот вечер он решил посвятить мне. Милые мои мальчишки! Нам было так весело, и все остались довольны. Когда уходили ребята, спросили: «Ната, ты довольна?» А Вовчик спрашивал меня глазами. Это был очень хороший вечер, какие бывают, когда собира-

ются старые хорошие друзья. А Вовчик?! Почему, встречаясь со мной, он показывает нечто большее, чем дружба, а расставаясь, забывает обо мне до новой встречи. Я знаю, он меня не любит, и я его не люблю, но, встречаясь, мы похожи на влюблённых. Я к нему отношусь с нежностью, потому что вижу в нём младшего брата, о котором всегда готова заботиться. Такое отношение у меня к нему укоренилось ещё с первого курса. Впервые я его увидела зимой в раздевалке. Он стоял в шерстяном клетчатом свитере, такой беленький, свеженький с детскими ясными синими глазёнками. Я тогда подумала: «Наверное, его мама очень любит и балует, вот прислала такой красивый и тёплый свитер». И он мне показался таким ещё ребёнком. Мы с ним – милые друзья. Я его всегда считаю младшим, может, это и есть причина наших таких добрых отношений. Я его считала ребёнком, сорвавшимся с привязи родителей и старающимся скорее вкусить все прелести и огорчения взрослой жизни. Он, как воробышек, выпущенный на волю, хватал воздух жизни. Но он не был пошлым, нет, он с его ясными синими глазёнками оставался дитём. Он всё так же прелестен, красив, да, красив, и он это знает (а плохо). Но мне кажется, что братец-бабник уже повлиял на него, воспитал его в своём духе. А как жалко! Что он сделает из нашего ясноглазого Вовчика?! Мне бы так не хотелось, чтобы Вовчик стал таким, а он, кажется, таким становится.

Я ещё ничего не знала, о его плотской жизни, но чувствовала, что он изменился.

Какое же всё-таки тонкое женское чутьё. Всё уже бродило в воздухе, и ребята, наверное, об этом знали, но мне не говорили. Щадили. Ещё не разверзлась пропасть под моими ногами, но там, глубоко в недрах уже пошли трещины. С непредотвратимым упорством они неумолимо пробирались вверх, чтобы заявить о себе, чтобы разорвать наши отношения на мелкие осколки. Ещё оставался месяц неведения.

14.02.1960 г. Милые друзья! Нет. А кто же теперь мы? Не знаю. И, как всегда, встретив меня на вечеру, он больше ни на секунду меня не покинул. Мне было холодно, он грел мои руки. Танцевали, и, как всегда, мило беседовали. После танцев пошёл меня провожать. Я была рада: хоть раз меня Вовчик проведёт. Между прочим, я не ожидала и того, что он будет целый вечер со мной танцевать. А когда мы прошли наш дом, и пошли дальше по улице, я поняла, что будет что-то большее. Вовчик меня обнимает! Подумать только! Да, ведь я на небе от радости, но дикое чувство недоверия всё портит. Он пытается меня поцеловать, но я не даю. Смотрю в его васильковые глазёнки, а у самой буря в душе. Не могу, не верю! Что делать, если не верю, никому не верю. Нет, словами не описать моих чувств. Потoki радости, нежности и... недоверие. И всё-таки я сдалась. О, Вовчик, милый! Родненький мой синеглазик, ты меня целовал! Мальши, мой дорогой!

17.02.1960 г. Какая прелесть! На дворе весна! А вчера шёл такой тёплый весенний дождик. Заниматься так трудно. Голова забита всякой дурью. Целый день сижу в крытом, и учу сопромат. Потеряла сон, аппетит. Девчонки смеются: «А ты думала, как влюбляться?!» Раньше что-то мои любви на сон и аппетит не влияли. Вспоминаю каждый миг нашего вечера. Стоим, а мне так неловко. Знаю, сейчас будет обнимать. Друзья всё-таки были, и вдруг... обнимать. Но мне и самой этого хочется. А теперь, как сон, как сказка: неужели это было? и этот Вовчик, милый синеглазый мальчишка с вихрастым чубом целовал меня... Я только теперь удивляюсь, как я могла так настойчиво его просить, чтобы он уходил. Надо было стоять до утра! Но такой у меня характер: люблю, но делаю пакость помимо своей воли. Больше он не приходит. О встрече не договаривались. Только он шутил: «Сдашь сопромат, в ресторан пойдём». Значит, придёт, когда сопромат сдам. Вспоминаю прошлый год. В это время мы только с ним познакомились. И с первой встречи у меня началось: «Ну, что вы Мэри, Юрасик, Толясик, он просто милый мальчик, мой меньший брат». И я заботилась о нём, как нянька,

вечно заставляла учить. Почти всю весну мы вместе занимались. Сидим в парке на скамейке, решаем математику. С дерева на меня падает гусеница. О, ужас! Он заботливо передвигает скамейку. Потом руки! Наши руки ещё тогда выдавали нас, выдавали предательски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.